Матеріалы для исторіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

37
П-35
Кр3928

ПИСЬМА А. П. ШЕМЯКИНА

КЪ

О. М. БОДЯНСКОМУ.

(1859—1875 гг.).

Съ предисловіемъ Дѣйствительнаго Члена

А. А. Титова.

МОСКВА.
1895.

Матеріалы для исторіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ПИСЬМА А. П. ШЕМЯКИНА

КЪ

О. М. БОДЯНСКОМУ.

(1859—1875 гг.).

Съ предисловіемъ Дѣйствительнаго Члена

А. А. Титова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1895.

Кр. 42.3
П 35

Печатано подъ наблюденіемъ **В. И. Бѣлокурова**

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
кр. 3988 м 11

Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1895 г.

4 сентября

Въ августѣ мѣсяцѣ 1887 года въ г. Владимирѣ всѣми забытый, одинокій, за три года передъ смертью ослѣпшій отъ постоянныхъ научныхъ занятій, тихо и незамѣтно скончался Алексѣй Николаевичъ Шемякинъ. 4/IX

Это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ провинціальныхъ тружениковъ и поклонниковъ науки, въ качествѣ Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ оказавшій ему немалыя услуги, какъ прекрасный переводчикъ древнихъ путешественниковъ—иностранцевъ по Россіи.

Смерть его прошла незамѣтно: ни въ одной газетѣ не было даже некролога о немъ.

По недостатку извѣстій для болѣе или менѣе полной біографіи его, мы можемъ воспользоваться въ данномъ случаѣ по большей части лишь отзывами лицъ, хорошо знавшихъ его, его учениковъ и сослуживцевъ, сохранившихъ о немъ самыя свѣтлыя воспоминанія, да письмами самого Алексѣя Николаевича къ покойному О. М. Бодянскому. На основаніи этихъ довольно неполныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній, мы постараемся хотя въ нѣсколькихъ общихъ штрихахъ возстановить образъ этого идеалиста и симпатичнѣйшаго человѣка.

Алексѣй Николаевичъ былъ родомъ изъ дворянъ Ярославской губерніи; здѣсь, по крайней мѣрѣ, было у него небольшое имѣніе и тамъ жили его близкіе родственники. Высшее образованіе онъ получилъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ Лицеѣ, изъ котораго вышелъ въ 1836 году. Черезъ два года по окончаніи курса онъ рѣшилъ посвятить себя педагогической дѣятельности и поступилъ учителемъ исторіи и географіи въ Романо Борисоглѣбское уѣздное училище. Отсюда въ 1844 г. онъ былъ командированъ начальствомъ въ Москву для изученія новѣйшихъ методовъ преподаванія, какъ одинъ изъ лучшихъ учителей, и въ слѣдующемъ (1845) году былъ переведенъ младшимъ учителемъ русскаго языка и надзирателемъ благороднаго пансіона въ Ярославскую гимназію. Въ 1850 г., по случаю закрытія 3-хъ младшихъ классовъ въ этой гимназіи, онъ остался за штатомъ и въ 1851 году переведенъ былъ учителемъ русскаго языка и географіи во Владимирскую гимназію.

Здѣсь онъ и окончилъ свою служебно педагогическую дѣятельность, съ 1858 года принявъ на себя еще обязанности старшаго учителя исторіи въ гимназіи, а съ 1866 года, кромѣ того, должность инспектора и преподавателя исторіи на Педагогическихъ курсахъ, открытыхъ въ этомъ году при Владимирскомъ уѣздномъ училищѣ.

Изъ гимназіи онъ вышелъ въ отставку въ декабрѣ 1869 г., а съ закрытіемъ въ 1872 г. Педагогическихъ курсовъ — окончательно отказался отъ педагогической дѣятельности, послѣ почти 35 лѣтней службы, съ цѣлью всецѣло предаться дѣятельности научной, которая у него почти все время шла неразрывно съ дѣятельностью педагогической.

Изъ сказаннаго видно, что Алексѣй Николаевичъ почти всѣ лучшіе годы своей жизни и дѣятельности прожилъ во Владимирѣ. Къ сожалѣнію, о первыхъ годахъ его службы въ Романо-Борисоглѣбскѣ и Ярославлѣ мало извѣстно, но память о немъ, какъ о прекрасномъ человѣкѣ, добросовѣстнѣйшемъ и талантливомъ преподавателѣ и педагогѣ—жива до сихъ поръ во Владимирской гимназіи и между его бывшими учениками. Вотъ какъ передаетъ одинъ изъ нихъ свои гимназическія воспоминанія о покойномъ *). „Времена, къ которымъ относятся мои гимназическія воспоминанія“, сообщаетъ бывшій ученикъ Шемякина, „самыя глухія: это—50-тые года, съ которыми въ нашемъ обществѣ связывается вообще представленіе, какъ о годахъ крайней реакціи“.

А. Н. Шемякинъ въ своемъ письмѣ еще рельефнѣе развиваетъ эту мысль, указывая, что провинціальное общество совершенно потонуло въ тихомъ, безпробудномъ застоѣ, отъ котораго оно долго не могло очнуться даже послѣ великихъ реформъ.—„Общество же, застарѣлое въ своихъ предразсудкахъ, кажется заснуло подъ обаяніемъ мечты о минувшемъ дорогомъ времени, о крѣпостномъ правѣ, о возможности давить людей по улицамъ орловскими рысаками и мало ли еще о чемъ. Такого равнодушія къ общественному благу я не встрѣчалъ еще нигдѣ“.... писалъ Шемякинъ Бодянскому, поздравляя послѣдняго съ новымъ (1869) годомъ. „Въ тонъ этому общему настроенію (продолжаемъ воспоминанія Шаганова) наша гимназія была едва-ли лучшей изъ современныхъ ей гимназій. Учителя во Владимирской гимназіи въ то время всѣ уже были люди „стараго завѣта“, обжив-

*) Этими воспоминаніями мы обязаны многоуважаемому Василію Тимоѳеевичу Георгіевскому, получившему ихъ отъ В. Н. Шаганова, бывшаго ученика Владимирской гимназіи въ 50-хъ годахъ.

шіеся въ городѣ и привыкшіе къ школьной рутинѣ. Всю корпорацію гимназическаго начальства можно было раздѣлить на двѣ части: одна— большая часть были сухіе чиновники, отправлявшіе свои обязанности безъ малѣйшаго усердія и любви къ дѣлу, лишь бы только не получить замѣчанія свыше за нерадѣніе; другая — меньшая половина состояла изъ людей изрядно испивающихъ и ведущихъ дѣло свое, какъ попало. Начальство гимназіи на нихъ уже махнуло рукой, но не особенно преслѣдовало ихъ, по опыту зная, что всѣ были „человѣки", всѣ имѣли свои слабости, и не хотѣло мѣшать другимъ „жить", не хотѣло сдѣлать ихъ, какъ тогда выражались, „несчастными". Но и запивавшіе и исправные учителя того времени занимались еще, кромѣ своихъ учительскихъ обязанностей, промысломъ содержанія пансіонеровъ въ своихъ семьяхъ изъ числа учениковъ гимназіи, или такихъ мальчиковъ, которые еще только готовились поступить въ гимназію. Такіе пансіонеры имѣли большое преимущество при поступленіи и переходѣ изъ класса въ классъ, ибо учителя-содержатели взаимно снисходили къ такимъ ученикамъ въ интересахъ своихъ пансіонеровъ. Понятно, почему у родителей учениковъ того времени сложились такія понятія: „если я отдамъ своего сына на квартиру къ учителю, то онъ и долженъ учиться хорошо, ибо за это я и плачу дороже, чѣмъ на другой квартирѣ". Да и учителя были согласны со взглядами родителей. Иногда случалось, что учителя, поссорившись между собою, пакостили другъ другу чрезъ тѣхъ пансіонеровъ, ставя имъ плохія отмѣтки: „дрались дѣтьми", какъ говоритъ Л. Толстой.

А. Н. Шемякинъ не подходилъ ни къ одной изъ описанныхъ категорій учителей: онъ и по развитію, и по характеру, и по образу жизни рѣзко отличался отъ всей компаніи. Это былъ скромный труженикъ, беззавѣтно преданный своему дѣлу, чуждавшійся своихъ товарищей за ихъ отношенія къ своему дѣлу: кажется онъ ни у кого изъ нихъ не бывалъ. Въ свою очередь и учительская братія мало обращала на него вниманія и также не бывала у него, оставивъ его въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что Алексѣй Николаевичъ по незлобивости своего характера никогда не входилъ въ пререканія съ товарищами, очевидно прекрасно понимая, что изъ этихъ пререканій все равно ничего не выйдетъ. Жилъ А. Н. тогда гдѣ то около „Золотыхъ воротъ" въ маленькой квартиркѣ одинокимъ холостякомъ, съ неизмѣнной прислугой, состоящей изъ старухи кухарки и ея мужа, какого-то отставного солдата, который помѣщался тутъ же за перегородкой прихожей, и постоянно занятъ былъ тачаніемъ сапоговъ; изрѣдка прерывая работу для довольно продолжительныхъ запоевъ, переносимыхъ со стои-

ческимъ терпѣніемъ его господиномъ. Нерѣдко въ эту скромную квартирку приходили къ Алексѣю Николаевичу ученики его и всѣ вообще любившіе его и занимавшіеся его предметомъ „не за страхъ, а за совѣсть“. А. Н. всѣхъ приходившихъ къ нему принималъ чрезвычайно радушно и ласково, охотно толковалъ съ ними и съ радостью давалъ имъ и книги и всякія указанія по своему предмету. Также дружелюбно и вѣжливо относился онъ и въ гимназіи ко всѣмъ ученикамъ своимъ и даже въ низшихъ классахъ всѣмъ говорилъ на „вы“, что совершенно не практиковалось въ описываемое время со стороны другихъ учителей. Обращеніе послѣднихъ съ учениками было вообще грубо, а въ низшихъ классахъ даже сопровождалось отборными ругательствами, трепаніемъ за уши, колотушками, не говоря уже о поставленіяхъ на колѣни, къ которымъ ученики совершенно привыкли, какъ къ неизбѣжному злу и не обращали ни малѣйшаго вниманія. А. Н. никогда не позволялъ себѣ ничего подобнаго, развѣ ужъ очень раздраженный какимъ-либо шалопаемъ, маменькинымъ сынкомъ, пользующимся покровительствомъ начальства, говорилъ: „ну, скверный мальчикъ, я васъ поставлю къ двери“,—но, впрочемъ, почти никогда не приводилъ въ исполненіе свою угрозу, потому что самому отпѣтому шалуну становилось какъ-то стыдно отъ этого кроткаго голоса учителя, и онъ унимался. Вообще всѣ ученики очень любили Алексѣя Николаевича и всѣ, за очень ничтожными исключеніями, учились и вели себя у него хорошо; но впрочемъ онъ даже и слабымъ ученикамъ на экзаменахъ не ставилъ непереводныхъ балловъ. Та любовь, съ которою онъ относился къ своему дѣлу, какъ-то невольно сообщалась и ученикамъ его, а живое и увлекательное преподаваніе его дѣлало усвоеніе преподаваемаго имъ чрезвычайно легкимъ. Преподавая географію, онъ оживлялъ сухой учебникъ всѣмъ извѣстнаго Ободовскаго завлекательными разсказами изъ путешествій и былъ очень радъ, если ученики его сами читали что-либо по его предмету. Онъ давалъ для чтенія ученикамъ путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля, статейки изъ „Живописнаго Обозрѣнія“ и др. географическія сочиненія; при этомъ онъ на урокахъ всегда самъ чертилъ географическія карточки той страны, о которой шла рѣчь, и раздавалъ ихъ ученикамъ, что было весьма важно для нихъ въ то время, когда порядочныхъ географическихъ атласовъ вовсе не было, да и вообще-то былъ одинъ атласъ на весь классъ. Такъ же увлекательны были его разсказы и по исторіи; особенно были рельефны и талантливы его характеристики разныхъ историческихъ личностей, живо запечатлѣвавшіяся въ памяти слушателей; многія изъ нихъ запоминались учениками сразу и на-

всегда. Съ любовью онъ занимался и ученическими сочиненіями по исторіи и географіи, которыя онъ давалъ ученикамъ и по росписанію и сверхъ росписанія съ цѣлію сообщить имъ любовь къ труду и пріучить къ стройному изложенію мыслей на бумагѣ.

Нечего и говорить, что Алексѣй Николаевичъ былъ чистъ отъ всѣхъ грѣховъ своихъ сотоварищей учителей: не промышлялъ пансіонерами (онъ никого не бралъ къ себѣ на квартиру), не принималъ никакихъ приношеній (что часто не отвергалось многими изъ его сослуживцевъ и было тогда въ порядкѣ вещей), и не посвящалъ всего своего внѣкласснаго времени на служеніе Бахусу, на вечеринки съ игрой въ карты, а это также было тогда дѣломъ обычнымъ".

Поэтому-то образъ Шемякина, какъ честнаго и безкорыстнаго труженика, всецѣло преданнаго своему дѣлу и запечатлѣлся неизгладимо въ сердцахъ его учениковъ. „Почти 40 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я учился въ гимназіи", говоритъ В. Н. Шагановъ, „но я какъ теперь вижу его фигуру за учительскимъ столомъ въ классѣ, помню его жесты, даже тембръ его голоса. Алексѣй Николаевичъ былъ средняго роста, немного сутуловатый, съ небольшой лысинкой на маковкѣ. Въ то время ему было вѣроятно лѣтъ 35. Волосы его были черные, бороду и усы онъ брилъ, что въ тѣ времена было обязательно для всѣхъ чиновниковъ. Глаза у него были каріе и немного подслѣповатые, какъ у человѣка, страдавшаго золотухой; выраженіе ихъ было доброе и симпатичное. Въ минуты нетерпѣнія или неудовольствія на учениковъ, А. Н. обыкновенно слегка привскакивалъ на стулѣ и къ обыкновенной своей рѣчи прибавлялъ „съ": „не хорошо-съ, не хорошо-съ" говаривалъ онъ въ этихъ случаяхъ".

Отдавая себя всего на служеніе любимой гимназіи, Алексѣй Николаевичъ такъ и прожилъ всю жизнь свою одинокимъ холостякомъ; потому-то онъ и самъ не разъ называетъ свою кабинетную, рабочую жизнь „затворническою" въ своихъ письмахъ къ Бодянскому. Но подобное одиночество не сдѣлало его черствымъ и одностороннимъ человѣкомъ. Цѣлые ряды европейскихъ классиковъ,—въ подлинникахъ стоявшіе на книжныхъ полкахъ его кабинета,—были лучшими друзьями его уединенной жизни и многочисленныя замѣтки на сочиненіяхъ Шекспира, Гете, Шиллера, Байрона, Диккенса и др. свидѣтельствуютъ о томъ, что хозяинъ ихъ любилъ часто бесѣдовать съ ними. Единственною страстью Алексѣя Николаевича были книги. Живя въ провинціи, онъ умѣлъ слѣдить за исторической литературой и всякаго рода выдающіеся труды по исторіи на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ онъ немедленно выписывалъ себѣ въ свою би-

бліотеку. Прекрасно владѣя нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ, латинскимъ и греческимъ языками, онъ дѣлалъ обширныя выписки наиболѣе характерныхъ мѣстъ изъ прочитанныхъ книгъ и они служили ему пособіями при преподаваніи исторіи. Такихъ тетрадей осталось до 10; но къ сожалѣнію библіотека его и его бумаги были значительно растащены кѣмъ-то (вѣроятно его запивавшимъ слугой) во время его продолжительной болѣзни, а остатки онъ завѣщалъ послѣ своей смерти въ библіотеку Владимирскаго братства Александра Невскаго, куда они и поступили.

Свое добровольное уединеніе Алексѣй Николаевичъ изрѣдка покидалъ лишь для поѣздокъ въ Москву, для посѣщенія здѣшнихъ библіотекъ и книгохранилищъ. Здѣсь, среди столичнаго оживленія, цвѣта умственной дѣятельности и интеллигентнаго общества, усталый труженикъ забывалъ свои немощи и невзгоды, радикально измѣнялъ свой образъ жизни, забывая и „затворъ“, и кабинетъ. „Я весьма сожалѣлъ“, писалъ онъ Бодянскому 5 марта 1871 года, „что въ бытность мою въ Москвѣ не успѣлъ еще разъ посѣтить васъ и воспользоваться вашею бесѣдою; причиною того—моя слишкомъ подвижная жизнь въ столицѣ: то туда, то сюда, смотришь—дней трехъ какъ не бывало“... Здѣсь и завязались его знакомства со многими изъ московскихъ ученыхъ. Такъ изъ надписей на книгахъ, подаренныхъ А. Н—чу авторами ихъ, видно, что онъ знакомъ былъ съ профессорами: Лавровскимъ, Герье, А. Г. Столѣтовымъ, Савельевымъ Н. В., Казанскимъ П. С., Ордынскимъ, Перевлѣсскимъ и др. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ, кажется, онъ познакомился и съ покойнымъ О. М. Бодянскимъ, который привлекъ его къ сотрудничеству въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, каковымъ сотрудникомъ онъ и былъ безъ перерыва почти цѣлыхъ 20 лѣтъ.

Совмѣстная дѣятельность въ Обществѣ послужила поводомъ къ долголѣтней перепискѣ между Алексѣемъ Николаевичемъ и О. М. Бодянскимъ. Въ настоящее время въ нашемъ собраніи имѣется около 70 писемъ перваго за 1859—75 года. Несмотря на то, что большинство этихъ писемъ дѣлового характера, всякій перечитывающій ихъ невольно воспроизводитъ въ своемъ умѣ симпатичный образъ автора этихъ писемъ. Предъ вами живо воскресаетъ личность интеллигента—гимназическаго учителя, не хотѣвшаго помириться съ застоемъ и пошлостью окружающей среды и провинціальной жизни. И вотъ, онъ удаляется отъ этой жизни въ свой кабинетъ, уходитъ въ себя, отдавая всю долю силъ, которою наградила его природа, и все свободное время кабинетному труду. „Въ нашей бѣдной провинціальной жизни для

тѣхъ, кто не хочетъ разнообразить ее за карточнымъ столомъ или за шнапсомъ, только и радости, что какая-нибудь полезная, вновь вышедшая книга" (письмо отъ 16 декабря 1860 г.). Трудъ Алексѣй Николаевичъ и ставитъ единственной цѣлью своей одинокой, грустной жизни. „Признаюсь, что въ провинціи, при моей трудовой жизни, по недостатку благородныхъ развлеченій, затруднительности средствъ къ занятіямъ, да еще при разныхъ невѣдомыхъ для васъ отношеніяхъ, здѣшняя жизнь дѣлается тошнѣе болѣзни... А труды мои для Общества Исторіи? Безъ нихъ я какъ рыба безъ воды", писалъ А. Н. Бодянскому 17 августа 1861 г. Понятно, что при такихъ условіяхъ, настойчивость, строгость къ себѣ и добросовѣстность въ выполненіи предпринятой задачи являлись необходимыми спутниками такого труда; но вмѣстѣ съ ними развивались—крайняя мнительность, недозѣрчивость къ своимъ силамъ, сомнѣніе въ удачѣ. Отсюда возникала масса сомнѣній, волненій, колебаній, которыя красной нитью проходятъ чрезъ всѣ письма Шемякина. Отсюда происходило то, что А. Н. не довѣрялъ переписчикамъ, часто переписывалъ самъ свои объемистые труды, „инквизиторскимъ" окомъ просматривалъ чужую переписку и печатныя изданія по нѣскольку разъ, подмѣчая даже малѣйшія описки и опечатки, просилъ возвратить ему уже посланныя въ Общество рукописи перевода для новаго просмотра и исправленія и т. д. „Стало бы умѣнья къ дѣлу", пишетъ А. Н., „а усердія,—положивъ руку на сердце скажу,—станетъ" (письмо отъ 30 марта 1863 г.). „Человѣкъ, у котораго въ жизни одна отрада—трудъ, ревнивѣе къ нему и подозрительнѣе всякаго мужа къ женѣ" (1865 г. 9 февраля). „Привыкши съ дѣтства къ добросовѣстности, я до сихъ поръ не чувствовалъ себя спокойнымъ, пока не взялся за перо, чтобы упомянуть еще о нѣкоторыхъ ошибкахъ въ печатномъ переводѣ моемъ (1860 г. 15 августа). Я положилъ себѣ — все переписывать самъ, не довѣряя никому (1860 г. 16 декабря). Только теперь представляю вамъ обѣщанный мой трудъ. Взглянувъ на него попристальнѣе, увидите, что только пятую часть этихъ двухъ тетрадей писала посторонняя рука; все остальное—я самъ: наши писцы безграмотны (8 ноября 1870 г.). Находясь между страхомъ и надеждою, берусь за перо писать къ вамъ: не исказилъ ли я бѣднаго Петрея? Не взять ли его для лучшаго исправленія? Наконецъ, довольны ли вы имъ хоть сколько нибудь (1865 г. 9 февраля)".

Кромѣ мнительности, не мало горя и препятствій доставило А. Н—чу его и безъ того плохое здоровье, ослабѣвшее отъ геммороя; послѣдній часто надолго отрывалъ А. Н. отъ работы. Поставивъ трудъ

цѣлью жизни, А. Н. желалъ одного, а именно, чтобы трудъ его былъ полезенъ, но онъ часто забывалъ совершенно о себѣ, какъ о дѣятелѣ, о своемъ вознагражденіи. „Я трудился только по желанію трудиться“, пишетъ онъ Бодянскому, „по стремленію къ труду, не имѣя въ виду какой-либо корыстной себялюбивой цѣли“ (1874 г. 5 марта).

За то радостныя минуты достойнаго вознагражденія за трудъ доставляли много удовольствія Шемякину. Такъ глубокою радостью и благодарнымъ оживленіемъ дышатъ письма А. Н. отъ 12 ноября 1861 и 14 ноября 1866 года: первое—по случаю полученія отъ Государя Наслѣдника Высочайшей благодарности за поднесенный Цесаревичу чрезъ Строганова экземпляръ „Походы викинговъ“, второе—по случаю избранія А. Н. въ Дѣйствительные Члены Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Но если А. Н. сталъ въ сторонѣ отъ провинціальной жизни, то послѣдняя не хотѣла оставить его въ покоѣ. Городскія сплетни, мелочныя дрязги, заводимыя гимназической корпораціей pro domo sua: все это часто отзывалось очень горько на ни въ чемъ неповинномъ А. Н., и было способно даже его вывести изъ терпѣнья, и тогда изъ-подъ его пера выливались строки вродѣ слѣдующихъ: „Невзгоды, по выраженію Шекспира, не приходятъ по одиночкѣ, какъ соглядатаи, а всегда эскадронами. Это я испыталъ на себѣ“ и т. д.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько подробнѣе о трудахъ А. Н. для Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ книжкахъ Общества за 1860 годъ появляется первый переводъ съ нѣмецкаго покойнаго Шемякина: „Походы викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ. Соч. А. М. Стрингольма“, вышедшій затѣмъ отдѣльной книгой въ двухъ томахъ въ 1861 г. (около 40 печатныхъ листовъ). Затѣмъ Алексѣй Николаевичъ безпрерывно и неутомимо трудится для Общества, переводя сочиненія иностранцевъ-путешественниковъ по Россіи: Марко Поло, Петра Петрея, барона Мейерберга, Михаила Шиля, Севастіана Главинича, Оттона Плейера, Николая Варкоча и средневѣковыхъ путешественниковъ по Россіи: Георгія Макортнея, Мих. Саймеса и пр., съ нѣмецкаго, французскаго, латинскаго и др. языковъ. Каждый, занимающійся исторіею Россіи, можетъ судить, насколько образцово переведены покойнымъ Шемякинымъ эти весьма важные для русской исторической науки источники. При этомъ А. Н. съ необычайною тщательностью сдѣлалъ всѣ свои переводы, изъ которыхъ весьма многіе съ древне-нѣмецкаго, необычайно труднаго для перевода, языка. Неутомимый труженикъ не щадилъ даже средствъ, выписывая огромные и цѣнные фоліанты въ ка-

чествѣ пособій для своего труда.—„Я выписалъ нѣмецкій переводъ Герберштейна, Панталеона, книга почтенной древности 1576 года“,—писалъ А. Н—чъ Бодянскому: „она будетъ служить мнѣ опорою; по объявленію Ланга въ нѣмецкихъ газетахъ: „нѣтъ ли де гдѣ-либо такой книги“, она отыскалась въ какомъ-то германскомъ захолустьи. Да и не дешева“. Углубившись въ переводы, А. Н. все свое свободное отъ гимназическихъ занятій время посвящалъ на изученіе древне-нѣмецкаго, французскаго, англійскаго классическихъ языковъ, исписывая громадныя тетради вокабулами, разнаго рода идіотизмами, свойственными тому или другому изучаемому имъ языку, для того, чтобы безукоризненно перевести съ подлинника на русскій языкъ трудныя для перевода старинныя сочиненія средневѣковыхъ писателей. Благодаря упорному трудолюбію, всѣ переводы Шемякина оказывались образцовыми. При этомъ онъ трудился въ названной области въ теченіе болѣе 15 лѣтъ, какъ мы уже видѣли, вполнѣ безкорыстно. Общество только въ 1868 году, т.-е. лишь только по прошествіи 9 лѣтъ упорнаго безкорыстнаго труда удостоило его избранія въ свои Дѣйствительные Члены. Неизвѣстно, какая причина побудила Алексѣя Николаевича Шемякина оставить эти труды для Общества въ 1875—1876 г., кажется, смерть О. М. Бодянскаго, а можетъ быть и начавшееся нездоровье и въ особенности слабость зрѣнія, усилившаяся благодаря безпрерывности занятій; по крайней мѣрѣ съ 1876 г. переводовъ и вообще трудовъ Шемякина въ Чтеніяхъ Общества мы уже не встрѣчаемъ. Болѣзнь глазъ, съ годами увеличившаяся еще болѣе, окончилась полной потерей зрѣнія, и бѣдный труженикъ послѣдніе три года жизни страдалъ ужасно отъ одиночества, а главное отъ невозможности самому читать и предаваться своимъ любимымъ занятіямъ.

Общая характеристика А. Н. Шемякина, какъ личности, въ ея отношеніи къ наукѣ, весьма удачно сдѣлана самимъ имъ въ письмѣ къ О. М. Бодянскому (1866 г. 14 ноября), послѣ избранія въ Дѣйствительные Члены Общества: „Слава благородному и безкорыстному труду, который выбираютъ себѣ спутникомъ жизни люди, подобные мнѣ, съ условіями моего воспитанія, моего труднаго пути къ какому ни на есть значенію, и, наконецъ, съ условіями моего здоровья!...

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ помѣстить и библіографическій списокъ трудовъ А. Н. Шемякина. Въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ напечатано:

1. Походы викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ. Соч. А. Н. Стрингольма. Перев. съ нѣ-

мецкаго, съ приложеніемъ и примѣч. нѣмецкаго переводчика К. Ф. Фриша. Чтенія 1859 г., кн. III, IV; 1860 г., кн. I, II, III, IV.

2. О происхожденіи и родинѣ глаголитизма. Соч. П. І. Шафарика; перев. съ нѣмец., со снимкомъ. Чтенія 1860 г., кн. IV.

3. Путешествія венеціанца Марка Поло въ XIII ст., напечатанное въ первый разъ вполнѣ на нѣмецкомъ яз. по лучшимъ изд. и съ объясненіями Августомъ Бюркомъ; съ дополненіями и поправками К. Ф. Неймана. Чтенія 1861 г., кн. III, IV; 1862 г., кн. I, II, III.

4. Жизнеописаніе древнихъ и средневѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней Изъ географіи и этнографіи въ жизнеописаніяхъ д-ра Ф. Гедв. Кюльба. Чтенія 1864 г., кн II, III, IV; 1865 г., кн. I, II, III.

5. Исторія о великомъ княжествѣ Московскомъ; собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де-Ерлезунда въ Лейпцигѣ 1620 г.; перев. съ нѣмецк. Чт. 1865 г., кн. IV; 1866 г., кн. I, II, III; 1867 г., кн. II.

6. Два сватовства иноземныхъ принцевъ къ русскимъ великимъ княжнамъ въ XVII ст. Изъ VII и X ч. „Magazin s von Büsching“: а) Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара графа Шлейзвигъ-Голштинскаго, съ предисловіемъ Бишинга, I—II и 1—72; б) Подлинное извѣстіе о русскомъ и московскомъ путешествіи герцога Іогансена Младшаго Датскаго, съ предисловіемъ Бишинга, III—VIII и 1—56. Чтенія 1867 г., кн. IV.

7. Латыши, особливо въ Ливоніи, въ исходѣ философ. столѣтія. Дополненіе къ народовѣдѣнію и человѣкознанію. Соч. Гарлиба Маркеля; перев. съ нѣмецк., съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. Чт. 1870 г., кн. I.

8. Записка о частной жизни Понятовскаго и размышленіе о настоящей войнѣ. Перев. съ нѣмецк. Чтенія 1871 г., кн. III.

9. Эстонецъ и его господинъ. Для объясненія экономическаго положенія крестьянъ и вообще ихъ состоянія въ Эстоніи. Соч. не Эстонца, да и не его господина; перев. съ нѣмецк. Чтенія 1871 г., кн. IV.

10. Путешествія въ Московію барона Августина Майерберга и Горація Вильгельма Кальвуччи, пословъ императора Леопольда къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1661 г. Перев. съ латинскаго съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. Чтенія 1873 г., кн. III, IV и 1874 г., кн. I.

11. а) Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію Іоанна Готтгильфа Фоккеродта и Оттона Плейера. Перев. съ нѣмец-

каго; б) О нынѣшнемъ состояніи государственнаго управленія въ Московіи. Донесеніе Оттона Плейера въ 1710 г. Чтенія 1874 г., кн. II.

12. Описаніе путешествія въ Москву посла Римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Перев. съ нѣмецк. съ предисловіемъ и примѣч. переводчика. Чтенія 1874 г., кн. IV.

13. Севастіанъ Главиничъ о происшествіяхъ Московскихъ 1661 г.; перев. съ латинскаго. Чт. 1875 г., кн. I.

14. Донесеніе о поѣздкѣ въ Москву придворнаго Римскаго императора Михаила Шиля въ 1598 г.; перев. съ нѣмецк. Чтенія 1875 г., кн. II.

15. Краткая повѣсть о злополучіи и счастіи Димитрія, нынѣшняго князя Московскаго; перев. съ латинскаго. Чтенія 1875 г., кн. III.

Затѣмъ было помѣщено въ „Москвитянинѣ“ за 1855 г.:

16. Древнѣйшій бытъ Скандинавіи; №№ 13 и 14 (1—23 стр.).

17. Религіозныя вѣрованія на Сѣверѣ; №№ 15—16 (1—28 стр.).

18. Семейный бытъ Норманновъ; №№ 17—18 (1—44 стр.).

Всѣ три статьи взяты изъ Стрингольма.

Кромѣ того есть одна оригинальная статья А. Н. Шемякина: „Папа Иннокентій III“; она помѣщена въ „Библіотекѣ для Чтенія“ въ 1854 г. Отдѣльный оттискъ этой статьи, съ посвященіемъ отъ автора, найденъ въ библіотекѣ покойнаго Шемякина В. Т. Георгіевскимъ, обязательно сообщившимъ намъ свѣдѣнія о немъ.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій.
1895 года 10 января.

1.

Милостивый Государь, Осипъ Максимовичъ! *).

Приношу вамъ усерднѣйшую благодарность за напечатаніе смиреннаго моего труда въ Чтеніяхъ Общества **). Это для меня награда и поощреніе. Смѣю напомнить вамъ обѣщаніе ваше—поручить мнѣ трудъ, что принялъ бы я съ искреннею благодарностью.

На душѣ лежитъ у меня одна вкравшаяся ошибка перепищика на стр. 140 въ сентябрьской книжкѣ: Скётконунгъ, т.-е. Schoossкönig, не „любимый король“, а „король-сидень“; это названіе дано ему за то, что въ младенчествѣ долго не умѣлъ ходить: все носили его на рукахъ. Я счелъ долгомъ поправить это.

Не сочтите меня невѣждою, что въ извлеченіи изъ Вейнгольда не умѣлъ перевести какъ слѣдуетъ Iomsvikinger; надо бы сказать Іомбургскіе викинги, а у меня Іомскіе викинги. Писцы-то у насъ многогрѣшные.

P. S. Въ IV книжкѣ, которую имѣлъ честь получить отъ васъ съ искреннею благодарностью, въ главѣ о пребываніи викинговъ въ Византіи есть очень важная ошибка наборщика; надобно бы такъ: „въ устахъ ихъ греческій языкъ походилъ на дикое эхо воинственныхъ (или военныхъ) пѣсенъ, отражаемое утесами ихъ родины“. Въ послѣдней—„Вообще о походахъ викинговъ“: „оно пролагало ему путь къ сердцу хорошей вм. „пригожей“ дѣвушки.“

Не посовѣтуете ли перевести мнѣ „Нѣмецкихъ женщинъ“ Вейнгольда? Ваше мнѣніе будетъ для меня рѣшительно.

Въ „Москвитянинѣ“ 1855 года, говоря о поэзіи скальдовъ, я приложилъ стихотвореніе Каледонскаго скальда (барда) Оссіана, переведенное мною съ англійскаго: оно понравилось мнѣ по своей наивной простотѣ. Прилагаю его здѣсь:

---

*) Далѣе это обращеніе при печатаніи замѣняется начальными буквами.

**) Походы викинговъ, А. Стриннгольма. Чтенія 1859 г., кн. 3 и 4.

КЪ ЛУНѢ.

О, неба дочь, прекрасна ты,
Прекраснъ образъ твой безмолвный,
Когда плыветъ на высоты
И прелести, и грусти полный.
Твой путь въ лазури голубой
Съ востока звѣзды провожаютъ,
И тучи въ радости живой
Веселымъ блескомъ озаряютъ
Свои туманные края,
Когда плывутъ вблизи тебя.
Безмолвія товарищъ милый,
Кто равенъ на небѣ съ тобой?
Ночей блестящія свѣтила
Стыдливо клонятъ ликъ унылый
Предъ гордою твоей красой.
Скажи мнѣ, гдѣ твоя обитель,
Когда пройдешь лазурный путь,
Куда пристанешь отдохнуть,
Какъ Оссіанъ, чертоговъ житель?
Или пріютъ тебѣ—въ слезахъ
О звѣздочкахъ, твоихъ сестрахъ,
Упадшихъ? съ ними ты дѣлило,
Мое прекрасное свѣтило,
Отраду сладкую ночей.
Иль нѣтъ ужь ихъ среди зыбей?
Увы, ихъ нѣтъ, онѣ упали:
Ты часто въ облакѣ печали
Но и тебѣ придетъ чреда:
Протекши даль страны небесной,
И ты сойдешь во мракъ безвѣстный,
И горделивѣе тогда
Твои подруги молодыя
Поднимутъ очи огневыя.
За то теперь озарена
Ты полной красоты сіяньемъ.
Разрѣжь, о вѣтръ, своимъ дыханьемъ
Ночныя тучи, пусть луна
Прольетъ на землю лучъ отрады,—
И вспыхнетъ темная волна,
И озарятся горъ громады.

Изъ „Darthula“, поэмы Оссіана.

Владиміръ-на-Клязьмѣ.
1 декабря 1859 года.

2.

М. Г. О. М. 1860 года, марта 14-го.

Съ живѣйшею благодарностью получилъ я 12-го сего мѣсяца книгу „Чтеній“ за настоящій годъ и письмо ваше. И то и другое принесло мнѣ большую радость: первая—потому что служитъ знакомъ лестнаго для меня вашего вниманія; послѣднее—потому что въ немъ указаніе труда, отъ котораго я никогда не отказываюсь. Усерднѣйше прошу васъ доставить мнѣ исторію глаголитизма. Этотъ трудъ будетъ для меня какъ бы прологомъ къ другому, заинтересовавшему меня съ перваго раза, „Путешествію Марко Поло“; это послѣднее сочиненіе я могъ бы пріобрѣсти и своими скромными средствами, лишь бы знать его цѣну...

Имѣя позволеніе ваше слѣдить за опечатками въ выпускахъ „Викинговъ“, въ послѣднемъ выпускѣ я подмѣтилъ немногія: на 25 стран. жилицъ, вм. „жилищъ“; на 35—дѣлали, вм. „дѣлили“; на 44—дожли, вм. „дошли“; въ примѣч. 159 наказывается, вм. называется, на 51—передать ей, вм. передать ему, на стран. 73 крѣпкихъ земли, вм. крѣпкихъ землѣ, въ прим. 212 поселянъ, вм. поселянинъ. Другія немногія—самыя мелочныя.

3.

М. Г. О. М. Владиміръ на Клязьмѣ 2 мая 1860 года.

Честь имѣю представить при семъ мой переводъ сочиненія Шаффарика о происхожденіи и отчизнѣ глаголитизма *); переписывалъ его я самъ, не желая довѣрить писцу, который надѣлалъ бы безчисленное множество ошибокъ. Онѣ, можетъ быть, найдутся и у меня, хоть я и всячески старался избѣгать ихъ: поручаю ихъ вашей снисходительности. Боюсь, чтобы вы не сказали мнѣ, какъ нѣкогда Талейранъ: „Господа, не слишкомъ много рвенія!“ когда увидите цѣлыя предложенія, написанныя славянскими буквами.

Въ началѣ 11-го разсужд. я позволилъ себѣ нѣсколько измѣнить длинный періодъ Шаффарика, кажется, не въ ущербъ и не въ искаженіе смысла. Мое примѣчаніе не сочтите, Бога ради, педантическимъ: оно вылилось какъ бы само собой и приложено на особой бумагѣ. Работа моя кончилась бы еще скорѣе, если бы я не придумалъ переписывать самъ переводъ свой, хотя почеркъ у меня далеко не от-

*) Чтенія 1860 г., кн. 4.

личный. При всемъ моемъ желаніи, при троекратномъ повтореніи попытокъ моихъ, я не могъ вѣрно и красиво снять образцы глаголитской азбуки, и потому снявъ ихъ только для себя, я не прилагаю ихъ при переводѣ: думаю, что печатный schrift-tafel легко можетъ замѣнить ихъ *).

Любопытно было бы знать ваше мнѣніе о недавно совершившемся диспутѣ М. П. Погодина и Костомарова въ Петербургѣ: устоитъ ли литовское происхожденіе Варяжскихъ князей, или, подобно прежнимъ опытамъ производить Русь не изъ Скандинавіи, упадетъ безъ шума, безъ слѣда...

P. S. Если угодно вамъ будетъ написать мнѣ когда-нибудь, то не адресуя въ гимназію, гдѣ книги иногда залеживаются, потрудитесь адресовать: Алекс. Никол. Шемякину, противъ ц. Никиты мученика, въ домѣ Спиридоновой.

4.

М. Г. О. М. 1860 года августа 11-го.

По желанію вашему представляю при семъ предисловіе и оглавленіе переведенной мною книги, также и листочикъ съ опечатками въ послѣдней книжкѣ „Чтеній“ **); за книжку приношу вамъ усерднѣйшую благодарность, но я желалъ бы и „Марко Поло“: если будете добры, то не замедлите его присылкою. Воротясь изъ путешествія въ Ростовъ, я засталъ во Владимирѣ довольно сильную холеру съ нѣкоторыми особенными симптомами, появляющимися очень скоро одни за другими, такъ что медицинская помощь рѣдко поспѣваетъ во время. Впрочемъ, болѣзнь теперь послабѣе.

Къ предисловію Фриша ***) я прибавилъ нѣсколько словъ своихъ; но счелъ бы себя особенно счастливымъ, если бы вы приняли на себя трудъ сказать что нибудь о переводѣ и книгѣ: это, конечно, будетъ весьма любопытно и очень лестно для трудившагося переводчика.

5.

М. Г. О. М. 1860 года августа 15-го.

Привыкши съ дѣтства къ добросовѣстности, я до тѣхъ поръ не не чувствовалъ себя спокойнымъ, пока не взялся за перо, чтобы упо-

*) Впрочемъ, послѣ я надумалъ приложить и снимокъ, наиболѣе вѣрно вышедшій у меня.

**) Походы Викинговъ. Чтенія 1860, кн. 4.

***) Ibid.

г.р. 3988

мянуть еще о нѣкоторыхъ ошибкахъ въ печатномъ переводѣ моемъ*) и объяснить сдѣланныя мною пропуски. Нѣкоторыя изъ отдѣленій „Нравовъ“ въ послѣдней книжкѣ „Чтеній“ были помѣщены мною въ Москвитянинѣ 1855 года, а переведены еще за 8 лѣтъ до того и при томъ въ сокращеніи, да и не были просмотрѣны тщательно.

Такъ напримѣръ, по тогдашней моей неопытности, Kehrreime переведены „обратныя риѳмы“ вмѣсто „припѣвы“. Разумѣется, задумавъ представить вамъ „Викинговъ“, я вновь пересмотрѣлъ обѣ книги и поправилъ, гдѣ нужно. Но писецъ, списывая съ печатнаго, писалъ „обратныя риѳмы“. Въ одномъ мѣстѣ онѣ ускользнули отъ моего инквизиторскаго взгляда и я пораженъ былъ, встрѣтивъ ихъ на 121 стр. въ началѣ 11 главы въ послѣдней книжкѣ „Чтеній!“

Такъ же точно и пропуски оказались оттого, что писецъ списывалъ съ печатнаго, которое хотя и пополнено мною во многихъ мѣстахъ, но въ другихъ—увы!—осталось въ томъ же видѣ. Оттого пропуски; оттого *въ одномъ* только мѣстѣ и „обратныя риѳмы“ Не будь печатнаго отдѣленія „Нравовъ“ въ Москвитянинѣ, я не спутался бы. „Повинную голову мечъ не сѣчетъ“—вотъ мое оправданіе предъ вами, но себѣ я никогда не прощу этого и успокоюсь тогда только, когда узнаю, что вы не ставите мнѣ того въ большую вину. Впередъ этого никогда не будетъ!

P. S. Извините, что такъ часто осмѣливаюсь безпокоить васъ письмами: при отправленіи послѣдняго письма нездоровъ былъ и проглядѣлъ роковыя „риѳмы“, да еще въ примѣч. 258, на 210 стр. „всякъ“ вмѣсто „волкъ“, на 171 стр. „ряны“ вм. „руны“ въ послѣдней книжкѣ.

6.

М. Г. О. М. 1860 года сентября 8-го.

Усердно благодарю васъ за присланную книгу „Марко Поло,“ также за снисходительное одобреніе прежняго труда и добрыя желанія успѣха будущему. У всякаго свои надежды и планы: для меня было-бы лучшею наградою, если-бы впослѣдствіи сказали обо мнѣ: *елико-же достиже живый въ мірѣ семъ темномъ, толико-же преложи.*

Наша гимназія на этихъ дняхъ посѣщена была г. попечителемъ округа: въ продолженіе трехъ дней онъ аккуратно навѣщалъ классы, былъ у всѣхъ преподавателей, но не высказался о впечатлѣніи, какое

*) Походы Викинговъ.

произвела на него наша педагогія; замѣтилъ только о неразвитости нѣкоторыхъ учениковъ VII класса за урокомъ исторіи, прибавивъ, что общій грѣхъ учителей исторіи—заботиться объ именахъ и опускать изъ вида умственное развитіе... Ахъ, не живалъ онъ въ провинціи и не знаетъ, что порядочный преподаватель, не довольствующійся учебникомъ Зуева, ужъ никогда-же не забудетъ объяснить незнакомыя дѣтямъ выраженія и радъ-радехонекъ, если передадутъ разсказъ его, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, сонливые слушатели, непремѣнно позабывъ или нѣкоторыя необходимыя выраженія, или самый смыслъ ихъ. Что же дѣлать? развитость дѣтей зависитъ, кажется, отъ совокупнаго стремленія преподавателей и властей и постояннаго ихъ усилія—развивать молодые умы. А у насъ забота, чтобы единицъ было поменьше и если ученикъ плететъ кое-какъ урокъ, отъ насъ требуютъ, чтобы ставили три, хоть отвѣчающій и ничего не понимаетъ изъ урока, особливо, если онъ изъ личностей, принадлежащихъ *къ сильнымъ* губернскаго міра по значенію или богатству. Въ противномъ случаѣ скажутъ: „строгъ и свирѣпъ“! А въ результатѣ выкажетъ, что ученикъ VII класса не можетъ передать слышаннаго имъ отъ учителя за 10 минутъ передъ тѣмъ!!

7.

М. Г. О. М. 1860 года ноября 13-го.

Спѣшу васъ увѣдомить, что первая часть путешествія М. Поло у меня уже окончена переводомъ, но еще не перепискою. Можетъ быть, окончена была бы и вторая, еслибы отъ насъ не требовалось разныхъ мнѣній, то объ ученикахъ, то о планѣ преподаванія, то о проектѣ учреждаемой въ Петербургѣ Морской Гимназіи, который и теперь у меня лежитъ... Желалъ-бы знать, не нуженъ-ли переводъ „Марко Поло“ къ какому нибудь сроку? Стараюсь переводить текстъ самымъ простымъ языкомъ.

Меня спрашиваютъ здѣсь о выходѣ сентябрьской книжки вашего журнала, а нѣкоторые, добряки-провинціалы, уже подозрѣваютъ, что замедленіе произошло не отъ васъ, а цензуры, по поводу „Записокъ Лопухина“ *)... Такіе наивные: вотъ ужъ sancta simplicitas. А развѣ въ „Рус. Вѣст.“ не помѣщали „Княжны Таракановой“ и „Н. Лопухиной“? Это подробныя исторіи, которыя встрѣчались только у иностранцевъ. Я скорѣе опасаюсь за здоровье ваше и душевно желаю, чтобы письмо мое нашло васъ совершенно здоровымъ.

*) Въ „Чтеніяхъ“ 1860 г. кн. 2 и 3.

8.

М. Г. О. М. 1860 года 16 декабря.

Въ нашей бѣдной провинціальной жизни для того, кто не хочетъ разнообразить ее за карточнымъ столомъ или за шнапсомъ, только и радости, что какая нибудь полезная вновь вышедшая книга: эту радость принесла мнѣ присланная вами книга „Чтеній", за которую и приношу усерднѣйшую благодарность...

Я нисколько не раздѣлялъ опасеній за продолженіе этого достойнаго журнала, и опасенія и зловѣщія карканія другихъ передалъ вамъ послѣ горячаго спора съ этими воронами, такими милыми и кроткими, впрочемъ, существами, очень удобно составляющими капитальчики подъ покровомъ, или лучше словами Грибоѣдова:

„Подъ личиною усердія къ Ц...".

Извините за этотъ стихъ, но онъ здѣсь очень кстати.

Что касается до слѣдующихъ мнѣ оттисковъ, то если найдете умѣстнымъ оставить ихъ сколько нибудь для распродажи въ Москвѣ, вмѣстѣ съ другими изданіями Общества, то потрудитесь такъ поступить... Скажу лучше, я не знаю, что̀ съ ними дѣлать и позволяю себѣ ожидать отъ васъ наставленій. Хотѣлось-бы послать по экземпляру М. П. Погодину, вамъ да С. В. Ешевскому, да еще кому нибудь.

Впрочемъ, позвольте мнѣ ожидать отъ васъ вразумленія: оно для меня необходимо. Я боюсь затруднять васъ пересылкою оттисковъ ко мнѣ.

„Марко Поло" идетъ: уже 376 стр. готовы, но, кажется, переписка задержитъ меня до послѣдняго вами назначеннаго срока, а всего вѣрнѣе, онъ будетъ готовъ между Масляницею и Пасхою. Въ этомъ дѣлѣ я, благодаря Бога, совершенствуюсь...

Положилъ себѣ—все переписывать самъ, не довѣряя никому: я замѣтилъ, что тѣ отдѣлы Стрингольма, которые самъ переписывалъ, вышли гораздо правильнѣе, напр., его окончаніе представляетъ какія нибудь три неважныя опечатки.

Еще скажу вамъ, что при переводѣ „М. Поло," особливо замѣчаній къ нему изъ Риттера, никакъ не избѣжишь иностранныхъ словъ, и я просилъ-бы васъ позволить мнѣ покориться этой неизбѣжной необходимости.

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать послѣдней книги „Чтеній".

У насъ носятся слухи о перемѣнѣ Попечителя: насколько они вѣрны, не знаю.

9.

М. Г. О. М. 1861 года 28 марта.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ я получилъ письмо ваше и книгу „Чтенія“ съ „приложеніями“ и „Глаголицею“, *) за что и приношу вамъ усердную благодарность. Переводъ „М. Поло“ оконченъ еще въ генварѣ, но по случаю моей довольно долгой геморроидальной болѣзни, должно мнѣ было прибѣгнуть къ посторонней помощи для переписыванія. А переписка здѣсь чужими руками—дѣло презатруднительное! Теперь сижу, вооружась ножомъ, и скоблю, что есть силы! Для обращика почерка прилагаю половину полліста: примѣчанія написаны мельче. Усердно благодарю Васъ за указаніе этого труда; Дай Богъ только, чтобъ онъ вышелъ удаченъ. О самомъ переводѣ поговорю въ слѣдующемъ письмѣ. Для нѣкоторыхъ итальянскихъ цитатъ выписывалъ себѣ Italienisch. Sprachbuch Fornazari и Словарь Валентини: я всегда любилъ этотъ языкъ. Заглядывалъ и въ химію Берцеліуса и, кажется, рѣшилъ для себя нѣкоторыя недоумѣнія. Для географіи помогъ Kannabich. Къ Пасхѣ буду имѣть честь представить вамъ мой переводъ: кажется, на нѣкоторыя примѣчанія бросится цензура; но—грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Если позволите мнѣ теперь 50 экз. моего труда, я буду чрезвычайно благодаренъ; остальные хорошо-бы передать Базунову, но никакъ не смѣю, да не имѣю и въ помышленіи утруждать васъ этимъ. Цѣна каждой книгѣ хоть 2 р. 50 к., а процентовъ за коммиссію 20.

Мнѣ кажется, почтенный Осипъ Максимовичъ, что въ Allgemeine Geschichte d. keisen автора путешествія М. Поло, должны быть и Рубруквисы, и Плано-Карпини, и Флетчеры и, съ вашего одобренія, я выпишу ее чрезъ Кунта.

Покорнѣйше прошу и впередъ не оставлять моихъ переводовъ нѣкоторыми поправками, какъ исторію происхожденія глаголитизма: онѣ всегда могутъ и должны быть къ лучшему, а не къ худшему.

Жалко, что встрѣтились нѣкоторыя опечатки въ приложеніяхъ, напр., на 337 стр. 13 строка сверху—„отращиваютъ себѣ ногти“, а надобно „когти“.

10.

М. Г. О. М. 1861 года апрѣля 29-го.

Христосъ Воскресе!

Усердно поздравляя васъ съ праздникомъ, спѣшу увѣдомить, что всѣ три тюка съ 50 экземплярами книгъ и брошюры получены мною

*) Шафарика, переводъ Шемякина въ Чтеніяхъ 1860 г., кн. 4.

22 апрѣля. Получена также и 1 книга „Чтеній“ за нынѣшній годъ съ вашимъ весьма интереснымъ для меня письмомъ; не знаю, какъ и благодарить васъ за всѣ обязательныя для меня ваши хлопоты относительно моей книги: дай Богъ, чтобы мнѣ всегда удавалось пріумножать и усиливать ваше доброе мнѣніе о себѣ. Но на первыхъ же порахъ я оказался неаккуратнымъ: геморрой, угнѣздившійся въ груди, не давалъ мнѣ ни на минуту отдыха, оттого-то я и не успѣлъ къ празднику отправить къ вамъ свой трудъ. Но, вѣрьте, что это непредвидѣнное препятствіе, а отъ него—невольная неаккуратность. Мнѣ стало легче, и дѣло идетъ: просматриваю и повѣряю переписанное, а кое-что переписываю и самъ.

Желалъ-бы поговорить съ вами и о служебныхъ моихъ отношеніяхъ и дѣлахъ; но когда представлю вамъ свой трудъ, тогда это будетъ добросовѣстнѣе.

Отчество мое—Николаичъ, если вамъ угодно знать это для удобства при перепискѣ.

Усерднѣйше благодарю также васъ за росписку книгопродавца: но тамъ, гдѣ есть ваше участіе и вниманіе, подобная росписка излишняя.

11.

М. Г. О. М. 1861 года августа 17-го.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я имѣлъ честь вторично навѣстить васъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ васъ дома. У Попечителя, по вашему совѣту, также былъ, полагая, что вамъ хорошо извѣстно, что онъ въ Москвѣ: онъ уѣхалъ въ Петербургъ, и я не засталъ его. Директоръ нашъ былъ счастливѣе и представлялся ему въ первыхъ числахъ іюля.

Когда-то вамъ угодно было предложить мнѣ ваше содѣйствіе для перехода моего въ Москву къ должности учителя исторіи въ одной изъ Московскихъ гимназій. Но какъ вакансіи на тѣ мѣста, на какія желалось-бы, не всегда выпадаютъ скоро, то считаю долгомъ увѣдомить васъ, что я радъ-бы былъ и мѣсту младшаго учителя Русскаго языка и даже штатнаго смотрителя въ Москвѣ. Признаюсь, что въ провинціи, при моей трудовой жизни, по недостатку благородныхъ развлеченій, затруднительности средствъ къ занятіямъ, да еще при разныхъ невѣдомыхъ для васъ отношеніяхъ, здѣшняя жизнь дѣлается тошнѣе болѣзни.... А труды мои для Общества Исторіи? Безъ нихъ я какъ рыба безъ воды. Какъ-то рѣшилъ Попечительный Совѣтъ, заслуживаютъ-ли „Походы Викинговъ“ занимать мѣсто въ гимназическихъ

и вообще училищныхъ библіотекахъ: желалось-бы, чтобы рѣшеніе выпало благопріятное, не столько изъ выгодъ, сколько для того, чтобы опростать ваши комнаты отъ книгъ, которымъ вы дали такой великодушный пріютъ.

Такъ, почтенный Осипъ Максимовичъ, трудиться вблизи васъ было-бы моимъ счастіемъ: пошлетъ-ли Богъ мнѣ эту радость—не знаю.

Директоръ все еще въ сильномъ неладу съ инспекторомъ, какъ видно изъ его отзывовъ о послѣднемъ: какая польза отъ того для гимназіи, можете судить сами; я хочу поднести „Походы Викинговъ“ чрезъ г. Строганова Государю Наслѣднику въ пышномъ переплетѣ; не знаю, одобрите-ли вы это предположеніе.

Вполнѣ-ли довольны Вы переводомъ Марко-Поло? Если какая нибудь тетрадка, какъ говорится, съ изъяномъ, пожалуйста перешлите ее для исправленія.

12.

М. Г. О. М. 1861 года сентября 27-го.

Въ сильномъ опасеніи за судьбу „М. Поло“ берусь за перо, чтобы подробнѣе узнать о немъ: тщательно перечиталъ черновыя тетради и, кажется, ошибокъ нѣтъ; но не прощу себѣ одной оплошности, что примѣчанія вышли у меня подъ текстомъ: лучше-бы помѣстить ихъ въ особенной тетради, а то писцы и я самъ должны были прибѣгать къ самой крайней компактности при письмѣ, отчего во многихъ мѣстахъ оно вышло нечеткимъ и неразборчивымъ: впрочемъ такія, особенно опасныя мѣста я переписывалъ самъ, въ чемъ легко убѣдитесь, сличивъ почеркъ послѣдней (пятой) тетради: напрасно вамъ не угодно было прислать мнѣ рукопись второй части: я бы переписалъ ее на вакаціи, а то въ Ростовъ не попалъ, жилъ мѣсяцъ іюль во Владимирѣ и впалъ было со скуки въ ипохондрію.

Не оставьте меня новымъ трудомъ, почтенный Осипъ Максимовичъ, я не отказался бы и отъ самостоятельнаго труда, при вашемъ указаніи источниковъ. А то принялся было за ученую статью: *Королева Христина*, выписалъ для того многое, а главнаго, Аркенгольца, не нашелъ: такъ и осталось дѣло. Теперь читаю выписанную съ большою осторожностію „Geschichte d. neuesten Zeit“ v. Hermes; но безъ письменнаго труда я какъ рыба безъ воды. Сжальтесь!

О переходѣ въ Москву и не думаю. Коссовича не стало въ должности инспектора: его замѣнилъ Кудряшовъ изъ Рязани. Представьте, какое черное подозрѣніе, основанное, впрочемъ, на фактахъ, погуби-

ло Коссовича: его сочли авторомъ самаго отвратительнаго пасквиля на нашъ педагогическій Совѣтъ!

Не пощаженъ и я, хотя гораздо менѣе затронутъ, чѣмъ другіе: и педантъ-то я, и волосы крашу, и весь въ исторіи, какъ въ кожѣ: проказники! Мое мнѣніе то, что, можетъ быть, Коссовичъ рецензировалъ эти плохіе вирши.—Но кромѣ этого онъ въ послѣднее время рѣшительно ничего не дѣлалъ.

13.

М. Г. О. М. 1861 года ноября 12-го.

Усердно благодарю васъ за книгу „Чтеній“, весьма любопытную, особливо по документамъ, относящимся къ дѣлу царевича Алексѣя*). Вѣроятно, разныя Московскія тревоги задержали эту книгу....

Прошу васъ не церемониться со мною, и если въ числѣ тетрадей „М. Поло“ есть которая нибудь съ изъяномъ по языку или письму, то прошу васъ прислать ее ко мнѣ для исправленія: мнѣ и самому хочется побывать въ Москвѣ, чтобы вздохнуть посвободнѣе послѣ скучной, мертвенной провинціальной жизни. Не забудьте меня новымъ трудомъ для Общества: смѣю увѣрить васъ, что если этотъ трудъ будетъ переводный, вамъ не приведется уже отъ связной рукописи прибѣгать къ оригиналу....

Въ „Einleitung“ къ „М. Поло“ есть нѣкоторыя опечатки; на странцѣ: 6: „пришли въ положеніе забытыхъ людей“—вмѣсто „забитыхъ“, потому что въ подлинникѣ слово въ слово: „были втоптаны въ грязь“. А я лучше счелъ перевести—„пришли въ положеніе забитыхъ людей“. На стр. 11 вм. „случалось“ надобно „случилось“. **)

Несмотря на рекомендацію Попечительнаго Совѣта моей книги, ни одна гимназія, кромѣ здѣшней, не обратилась ко мнѣ съ просьбой, просто сказать,—не выписала этой книги. Не попросить-ли Попечителя поступить съ „Походами Викинговъ“ такъ же, какъ поступаетъ нашъ Департаментъ: высылаетъ во всѣ гимназіи, иногда, такую дрянь, что совѣстно и подумать, да и требуетъ денежки?... Не подумайте, чтобы корысть меня мучила: мнѣ совѣстно, что эти экземпляры безпокоятъ васъ своимъ массивнымъ присутствіемъ.

---

*) „Царевичъ Алексѣй Петровичъ по свидѣтельствамъ вновь открытымъ“. М. Погодина. Чтенія 1861 г. кн. 3.

**) Путешествіе венеціанца Марка Поло въ XIII в. въ переводѣ Шемякина было начато печатаніемъ въ Чтеніяхъ въ 1861 г. въ 3-й книгѣ.

Отъ Государя Наслѣдника чрезъ г. Строганова я получилъ Высочайшую благодарность за „Викинговъ".

14.

М. Г. О. М. 1862 года января 11-го.

Приношу вамъ усерднѣйшее приношеніе съ Новымъ годомъ и покорнѣйше благодарю за ваше вниманіе ко мнѣ въ бытность мою въ Москвѣ: наканунѣ Новаго года я былъ уже во Владимирѣ и потомъ принялся за дѣло, слѣдуя вашимъ совѣтамъ и указаніямъ.

По снисходительному вашему обѣщанію, покорнѣйше прошу васъ напечатать въ Вѣдомостяхъ, что „гг. занимающіеся переводами симъ извѣщаются, что сочиненіе Кюльба: „Länder-und Völkerkunde in Biographien" переводится".—Какъ бы желалъ я окончить начатое дѣло! Какъ бы хотѣлось, чтобы жизнеописанія путешественниковъ въ Россію вышли удачны и удостоились помѣщенія въ „Чтеніяхъ"!

P. S. Боюсь, Осипъ Максимовичъ, ужъ не раскаиваетесь-ли вы, находя пропуски писца въ „М. Поло", въ томъ, что предложили мнѣ переводъ его. Но вы такъ снисходительны были при личномъ свиданіи со мною.

15.

М. Г. О. М. 1862 года февраля 14-го.

Покорнѣйше благодарю васъ за присланную книжку „Чтеній": это принялъ я, какъ особенный знакъ вашего вниманія.

Изъ книги Кюльба всѣ путешествія, относящіяся къ нашей Руси, у меня уже готовы, и перепишу ихъ самъ. Думаю поступить такъ: при названіи каждаго путешественника сдѣлаю выноску въ концѣ страницы,—и выпишу тутъ, что нужно изъ Аделунга, полученнаго мною на дняхъ, наприм.: краткое извѣстіе о личности путешественника, разныя изданія его путешествія. Въ „Собраніе путешествій къ Татарамъ" не вошло, кажется, путешествіе Одерика Портенау и Клавиго: послѣдняго нѣтъ и у Аделунга, а оно любопытно.

Начальство гимназіи, въ вознагражденіе моихъ посильныхъ трудовъ, представляло меня къ ордену, который и получилъ я—Станислава III степени. Я не изъ честолюбивыхъ: однакожъ и то ладно. Согласно желанію вашему, замѣчаю опечатки въ „М. Поло": на стр. 69 „послѣднее", вмѣсто „постыдное", на стр. 66—„отпустилъ", вмѣсто „отпустилъ ее", на стр. 70 въ примѣч. 68—открывъ, вм. открывъ ее.

Если будете такъ добры и это не затруднитъ васъ, то потрудитесь прислать ко мнѣ экземпляровъ 50 „Походовъ Вигинговъ".

16.

М. Г. О. М. 1862 года октября 30-го.

Честь имѣю поздравить васъ съ Монаршею милостію, тѣмъ болѣе драгоцѣнною, что она посѣтила васъ въ годину тысящелѣтія нашей Русской земли.

Представляю вамъ скромный трудъ мой. Добился же я, наконецъ, толку, прочиталъ о Космѣ Индопловѣ не у одного Кюльба: нашелъ статью о немъ въ „Biographie universelle“, которую и прилагаю въ примѣчаніяхъ: она сообщаетъ, по крайней мѣрѣ, содержаніе его сочиненія и библіографическія свѣдѣнія о немъ. Я очень доволенъ, отыскавъ ее, потому что слышалъ о Космѣ только мелькомъ. Переписывалъ всѣ біографій самъ и душою бы желалъ, чтобы трудъ мой имѣлъ какой нибудь успѣхъ. Вслѣдъ за тѣмъ позвольте прислать Головнина съ извлеченіями Кюльба изъ путешествія Сибольда въ Японію,—Палласа, Іепкинсона, Беринга. Потрудитесь сказать свой отзывъ sine ira et studio.

Счастливъ бы я былъ, если-бы удостоился диплома сотрудника отъ Общества Исторіи. Это лучшая моя мечта.

17.

М. Г. О. М. 1862 года, ноября 12-го.

Усерднѣйше благодарю васъ за присланную книжку „Чтеній“ и за старанія ваши въ Обществѣ объ избраніи меня въ Члены-Соревнователи: далъ бы Богъ здоровья и разума, чтобы трудами своими оправдать это почетное званіе! Это будетъ моимъ постояннымъ желаніемъ.

Посылаю „Вайтца“ съ искреннею моею признательностію за позволеніе прочесть его: я сдѣлалъ для себя нѣкоторыя выписки; особенно любопытными были для меня многія примѣчанія автора въ выноскахъ, доказывающія его обширную начитанность.

Съ слѣдующими тетрадками извлеченій изъ Кюльба позвольте мнѣ представить и деньги, слѣдующія за дипломъ на званіе Члена-Соревнователя. Желалъ бы отъ всей души, чтобы хоть нѣкоторыя изъ біографій заслужили ваше доброе мнѣніе и удостоились помѣщенія въ „Чтеніяхъ“.

Чрезвычайно интересны вполнѣ готовыя у меня жизнеописанія Макартнея, Ньюгофа, полковника Саймеса, послѣдняя имѣетъ еще и то значеніе, что на Саймеса часто ссылается Бурке въ примѣчаніяхъ къ „М. Поло“.

Желаю вамъ совершеннаго здоровья и полнаго успѣха въ вашихъ многочисленныхъ занятіяхъ.

18.

М. Г. О. М. 19-е декабря 1862 года.

Покорнѣйше благодарю васъ за присылаемыя книги „Чтеній", что служитъ для меня прекраснымъ и драгоцѣннымъ доказательствомъ вашего воспоминанія обо мнѣ. Съ удовольствіемъ читаю статью г. Дивернуа: „О происхожденіи Варягъ—Руси", въ такіе молодые годы какая эрудиція!

Считаю необходимымъ, по вашему прежнему указанію, приложить списочекъ опечатокъ, изъ которыхъ очень немного важныхъ въ „Марко-Поло".

Удостоится ли то извлеченіе изъ Кюльба напечатанія въ „Чтеніяхъ"? У меня уже оконченъ перепискою Палласъ; остаются Іенкинсонъ и Берингъ: къ Новому году представлю всю вторую половину жизнеописаній нашихъ путешественниковъ, вмѣстѣ съ финансами за дипломъ, или лично, или черезъ почту, если что-нибудь самого остановитъ.

У меня теперь большая забота, почтенный Осипъ Максимовичъ! относительно напечатанія всего Кюльба; не прибѣгнуть ли съ 1-ю книгою его къ Глазунову, что на Кузнецкомъ мосту? Не сдѣлаете ли какихъ замѣчаній относительно изложенія?

Что касается „М. Поло", сличалъ его напечатаннаго съ черновыми тетрадями (для того и пишу всегда вчернѣ) и замѣтилъ нѣкоторыя неточности, вами исправленныя, особливо въ примѣчаніяхъ: это вина геморроя, давно уже засѣвшаго въ моемъ слабомъ организмѣ и по временамъ напоминающаго о себѣ. То ли дѣло писать переводы прямо на-бѣло, безъ всякихъ отношеній къ разнымъ переписывающимъ личностямъ: всѣ неточности, всѣ шероховатости разглядишь скоро, такъ я и дѣлаю съ Кюльбомъ.

Не случалось ли вамъ слышать о нашемъ директорѣ Саханскомъ? Оставленъ ли онъ, или намъ слѣдуетъ ожидать, какъ говорили, „желчнаго" Варнека, бывшаго профессора?—Все это вещи, совершенно для васъ безъинтересныя.

19.

М. Г. О. М. 1863 года, генв. 7-го.

Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ и усердно желаю вамъ новыхъ успѣшныхъ занятій по Древле-Славянщинѣ и Отечественной Исторіи, для наученія насъ, искреннихъ почитателей вашей ученой дѣятельности.

Честь имѣю представить смиренный трудъ мой: это жизнеописавія Пинто, Гамеля (оба они только для связи съ послѣдующими), Головнина, Палласа и Беринга.—У Аделунга упоминается Нейгофъ, но въ біографіи послѣдняго у Кюльба не видно, что говоритъ онъ о Россіи; за то она превосходна по превосходному описанію Китайскаго быта и съ біографіею Макартнея, кажется, исчерпываетъ весь Китай. Онѣ обѣ у меня готовы, но боюсь, не будутъ соотвѣтствовать назначенію и характеру „Чтеній". Для удобнѣйшей провѣрки перевода, прилагаю одну часть Кюльба; въ бесѣдѣ съ вами прошлымъ годомъ я узналъ, что вамъ извѣстна только первая часть его. По миованіи въ ней надобности, я смѣлъ бы просить о возвращеніи ея.

20.

М. Г. О. М. 1863 г., марта 30-го.

Я имѣлъ честь получить отъ г. Штейнберга 50 экземпляровъ „Марка Поло" и расписку книгопродавца Базунова въ полученіи 40 экз.; вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ и дипломъ на званіе Соревнователя: постараюсь заслужить его постояннымъ соревнованіемъ прекрасной и полезной дѣятельности Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; стало бы умѣнья къ дѣлу, а усердія—положивъ руку на сердце—скажу, станетъ.

Искренно благодарю васъ за ваше содѣйствіе при избраніи меня въ Соревнователи и представляю слѣдующіе за дипломъ десять руб. сер.— Денежки трачу я всего больше на поѣздки въ Москву, которая обновляетъ и освѣжаетъ меня, послѣ разныхъ провинціальныхъ дрязговъ... Кое что изъ нихъ очень любопытно. Губернаторъ, предводитель дворянства и архіерей получили предписанія отъ нашего министра о наблюденіи за нравственностью воспитанниковъ гимназіи. *) Первые двое посѣтили пансіонъ раза три, и будто бы по проискамъ и внушеніямъ интригана инспектора нашей гимназіи Кудряшова,—старались придираться, разумѣется, къ внѣшней обстановкѣ: то не чисто содержатся дѣти, то плохъ присмотръ за ними... Уморительнѣе всего, что нашъ инспекторъ познакомился съ предводителемъ чрезъ гимназическаго надзирателя, имѣвшаго честь поставлять сему сановнику лягавыхъ собакъ! Въ надеждѣ на таковую опору (у инспектора есть и другая—инспекторъ Округа Москов. Шестаковъ), онъ поднялъ такой

*) Увѣряютъ, что это циркулярно...?? А на дѣлѣ не то: предписанія не было.

шумъ на послѣднемъ совѣтѣ гимназіи съ учителемъ Бодровымъ, оба наговорили другъ другу много того, другаго, прочаго, инаго... Виноватѣе, разумѣется, инспекторъ, оскорбившій весь Совѣтъ своимъ рѣзкимъ тономъ и обидными выраженіями относительно Бурова, тоже иной разъ не совсѣмъ вѣжливаго... О случившемся записали въ протоколъ, которой послали къ новому Попечителю. Директора вызываютъ къ послѣднему: онъ поѣдетъ на праздникахъ. Разумѣется, нашъ глава не всегда и не во всемъ безгрѣшенъ по веденію разныхъ дѣлъ въ гимназіи, иной разъ и *согрѣшаетъ плотію*, какъ выразился Шекспиръ о кардиналѣ Вельсеѣ; сверхъ того, по поговоркѣ: свой своему по неволѣ другъ, желалъ бы видѣть инспекторомъ свояка своего, учителя латинскаго языка; но за то онъ дѣятеленъ и опытенъ, а этотъ инспекторъ... какъ-то пронырливъ, а относительно дѣтей слабъ; что касается лично меня, я не нарушаю мирныхъ отношеній ни къ тому, ни другому; хоть и говорю иногда втай: *Устюшка Малашку* не выстежетъ... Попала ли эта пословица въ сборникъ г. Даля—не помню. Вотъ вамъ, почтенный Осипъ Максимовичъ, откровенный разсказъ про наши дрязги...

Вы обѣщали мнѣ трудъ—ожидаю его нетерпѣливо; но въ этомъ ожиданіи продолжаю свои прежнія работы и честь имѣю представить вамъ „Путешествіе Нейгофа“. Если не будетъ нужна вамъ III я часть Кюльба, потрудитесь прислать ее: я провѣрю по ней путешествіе Макартнея, необходимое дополненіе къ „Нейгофу“.

Я послалъ свою книгу къ новому Попечителю: не знаю, какъ принята она.

Не видалъ я объявленія о продажѣ „Марко-Поло“ въ газетахъ: можетъ быть, и просмотрѣлъ. Къ Ник. Вас. Исакову отправляю на дняхъ одинъ экземпляръ; другой почту долгомъ доставить вамъ. Пріѣхавшій сюда на праздникъ учитель Лебедевъ говорилъ, что новый Попечитель, яко левъ рыкаяй: при представленіи учителей обѣщалъ ихъ перевернуть и передѣлать. А нашъ протоколъ на голодный зубъ ему.

21.

М. Г. О. М. 1863 года, апрѣля 25-го.

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ я началъ вамъ разсказывать нашу провинціальную исторію, можетъ быть, нѣсколько затронувшую ваше столичное любопытство. Окончаніе ея очень любопытно. Не погнушайтесь: это современная лѣтопись....

Постановленіе Совѣта гимназіи о неприличныхъ выходкахъ и ругательствахъ инспектора гимназіи въ засѣданіи Совѣта принесло

намъ строгій выговоръ отъ Попечителя: странное дѣло! Мнѣніе всѣхъ членовъ признано пристрастнымъ, а мнѣніе учителя франц. языка Амштуца, не подписавшаго протокола, сочтено вѣрнымъ: этотъ господинъ, учащій дѣтей у инспектора (незаконныхъ), изволилъ сказать, что дѣло де было не такъ, а иначе. И мнѣ, на 45 году жизни, привелось получить выговоръ: „не говори де-правды, не отстаивай приличія и достоинства совѣщаній Совѣта!“ Что дѣлать! Видно надобно изгнать изъ азбуки: рцы-слово-твердо.

Межъ тѣмъ Губернаторъ, получившій предписаніе Министра нашего—осмотрѣть гимназію, послалъ донесеніе о состояніи заведенія: лучше сказать доносъ, самый черный, написанный, по всему видно, инспекторомъ, имѣвшимъ честь знать его прев—во еще въ Смоленскѣ, въ должности учителя гимназіи. Министръ препроводилъ копію съ доноса Левшину, а этотъ директору, съ требованіемъ объясненій. Въ доносѣ — столько грязи, что, вѣроятно, и въ Литвѣ столько не было, хотя Наполеонъ и говорилъ, что тамъ 5-я стихія — грязь. Сказано, напримѣръ, о Розовѣ, что онъ съ вреднымъ направленіемъ (замѣтьте, съ какою дьявольскою разсчетливостью на настоящее положеніе дѣлъ) и при томъ взяточникъ: честью отвѣчаю, это низкая, подлая ложь!!!— Директоръ не забудетъ похвалъ ссбѣ въ доносѣ и до новыхъ вѣниковъ. Законоучитель тоже. Одинъ я пока еще бѣлъ, говорятъ, но что то сомнѣваюсь: я не учу дѣтей у инспектора. Лучшими преподавателями поставлены Голицынскій и Амстуцъ: это учащіе благопріобрѣтенныхъ дѣтей инспектора: одинъ—изъ приказныхъ, и когда говоритъ, содержаніе рѣчи его гдѣ то далеко,—другой—лукавый иностранецъ. Директоръ въ потѣ лица пишетъ отвѣтъ.

Не ускользнуть ли мнѣ по-добру, по-здорову изъ гимназіи? Пять мѣсяцевъ остается служить до 25-ти лѣтняго срока.

Мѣсто директора здѣшней гимназіи искалъ прежде достойный ученикъ вашъ, Майковъ, здѣшній помѣщикъ: еслибъ онъ и теперь имѣлъ то же намѣреніе и сталъ бы директоромъ, можно бы было надѣяться, что доносителей и клеветниковъ у насъ бы и въ поминѣ не было. Эдакія мерзости! Точно живемъ во времена Анны Іоанновны!

Не знаю, какова будетъ развязка; но сомнѣваюсь, чтобы она была такова, какъ въ старинныхъ романахъ: добродѣтель торжествуетъ, порокъ наказывается: клевета—ужаснѣйшій порокъ.

22.

М. Г. О. М. мая 31-го 1863 года.

Отъ всего сердца благодарю васъ за присланную книжку „Чтеній“: получивъ ее, я жадно бросился на „Польское дѣло“ и, кажется,

угадалъ почтеннаго автора этой статьи.... Она принесла мнѣ много удовольствія, напомнивъ нѣсколько прекрасныхъ моментовъ въ исторіи западныхъ Славянъ XV-го и XVI-го вѣка и окончательно увлекла меня своею правдивостью....

Ѳ. Ал. Бредихинъ присутствовалъ у насъ на экзаменѣ VII класса. Я поднесъ ему въ подарокъ свои труды, удостоенныя напечанія въ Чтеніяхъ Общества: скажу откровенно, что сдѣлалъ это съ единственною цѣлью — усладить впечатлѣніе, произведенное на него разрозненностью между членами нашей коллегіи, а также и малоуспѣшностью заброшенныхъ нашихъ питомцевъ: согласитесь, что добраго ожидать отъ такой разрозненности? Между воспитанниками образовались двѣ партіи: Соханисты — за Сохапскаго и Кудряшевисты—за Кудряшева. Вотъ какія времена! Впрочемъ, изъ 20-ти воспитанниковъ семеро будутъ хорошими слушателями университетскихъ лекцій. А при единодушномъ стремленіи начальниковъ и преподавателей къ цѣли, я навѣрное насчиталъ бы до 12-ти. Рѣдко посѣщали классы, а *раздѣльшееся* начальство смотрѣло на это сквозь пальцы, располагая свалить это съ больной головы на здоровую. Гг. сослуживцы мои поговорили порядочно съ г. Бредихинымъ: я хотѣлъ пригласить его къ себѣ, но удержанъ былъ своими экзаменами въ другихъ классахъ. По исторіи въ VII классѣ экзаменъ продолжался съ 9 ч. утра до 4-хъ по-полудни.

Если вздумаете поѣхать путешествовать и завернете въ наши края, честь имѣю сообщить свой адресъ: противъ Рождеств. монастыря, въ домѣ Бузина.

NB. Любопытнѣе всего замѣчаніе преподавателя, бывшаго на экзаменѣ VII класса: зачѣмъ де воспитанники просятся *выдти*? Это неурядица: когда онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, этого не было. Господи, все Ты зришь—и терпишь!

23.

М. Г. О. М. 1863 г. 18 августа.

Послѣдняя книжка „Чтеній“ съ „Главиничемъ“ сильно затронула мое самолюбіе: надобно же было слову „Formosum“ начинаться съ большой буквы послѣ точки; встрѣться оно съ большою начальною буквою въ срединѣ предложенія, моя ошибка не была бы такъ рѣзка, потому что папу Формоза я знаю; извѣстно мнѣ и его посольство къ Булгарамъ, и самое сильное впечатлѣніе сдѣлала на меня его посмертная судьба: судъ надъ нимъ—мертвымъ. Но признаюсь, не зналъ, что онъ запретилъ отращивать бороды.

Другая ошибка моя непростительна, относительно 100 тысячъ дѣтей, взятыхъ въ плѣнъ, а чтобъ искупить ее, я выписалъ нѣмецкій переводъ Герберштейна, Панталеона, книга почтенной древности, 1576 года: она будетъ служить мнѣ опорою; по объявленію Ланга въ нѣмецкихъ газетахъ: „нѣтъ-ли-де гдѣ либо такой книги?“ она отыскалась въ какомъ-то германскомъ захолустьи. Да и не дешева.

Исполнили-ли вы ваше намѣреніе съѣздить въ свою деревню и благополучно-ли вернулись оттуда? Желаю вамъ совершеннаго здоровья, какимъ очень небогатъ самъ я.

24.

М. Г. О. М. 1863 года, августа 26.

Проѣзжая черезъ Москву въ первыхъ числахъ сего августа съ сестрой моей, я былъ потребованъ къ помощнику нашего Попечителя, Дашкову. Онъ спрашивалъ у меня подтвержденія кое-какимъ свѣдѣніямъ о Инспекторѣ Кудряшевѣ. Я былъ откровененъ и сказалъ все, чему былъ свидѣтелемъ. Вскорѣ послѣдовала развязка нашего дѣла: Кудряшевъ переведенъ учителемъ математики въ Тулу. Жаль мнѣ его: не дѣйствуй онъ такъ бѣшено, то могъ-бы принести существенную пользу гимназіи и исправить кое-какіе грѣшки Сох—го. Точно по какой-то иронiи судьбы, какъ говоритъ Жанъ-Поль, исправляющимъ его должность назначенъ учитель—его противникъ,—не совсѣмъ-же чистый въ этомъ дѣлѣ: не разодрались-бы, когда одинъ станетъ сдавать должность, а другой принимать!

Переводъ франц. рукописи почти оконченъ, и я пришлю ее скоро вмѣстѣ съ Макартнеемъ: хочется послать вамъ обѣ статьи и, если позволите, пусть одна подождетъ другой. Все задерживала программа исторіи для Министра. Бывши у Дашкова, я представилъ ему „Марко Поло“ и вмѣстѣ просилъ его, что такъ какъ рекомендаціи „циркуляровъ“ безполезны относительно новыхъ книгъ, то не благоугодно-ли будетъ разослать по гимназіямъ рекомендуемыя книги. „Марко-Поло“ проданъ всего одинъ экземпляръ. Не знаю, положиться-ли на обѣщаніе Дашкова, а онъ обѣщалъ...

Черезъ полтора мѣсяца исполнится 25-тилѣтіе моей службы: рѣшаюсь поступить по вашему совѣту и проситься еще послужить. Все зависитъ отъ новаго директора, Львова: на Саханскаго плохая надежда.

25.

М. Г. О. М. 1863 года, сентября 3-го.

Съ нѣкоторымъ опасеніемъ представляю вамъ переводъ мой. Я никогда не переводилъ съ французскаго и потому недостатки перевода, если они найдутся, ничѣмъ инымъ не объясните, какъ робостью, спутницей всякаго дѣла, которое работается въ первый разъ: первую пѣсенку зардѣвшись спѣть.

Вслѣдъ за тѣмъ представлю и Макартнея, съ VII частью Исторіи Европы Раумера, гдѣ есть много извлеченій изъ Сума, Макартнея и другихъ посланниковъ, доставившихъ свѣдѣнія о Русскомъ Дворѣ.

26.

М. Г. О. М. 25 ноября 1863 года.

Усерднѣйше благодарю васъ за послѣднюю книжку „Чтеній“ и память вашу обо мнѣ. Пріѣздъ новаго директора, вслѣдъ за тѣмъ Попечителя, оригинальная ревизія послѣдняго надѣлала много хлопотъ: Попечитель провелъ у насъ трои сутки, дѣлалъ экзаменъ въ каждомъ классѣ по всѣмъ предметамъ, держалъ насъ до вечеренъ, потомъ велѣлъ собраться къ нему на квартиру всѣмъ преподавателямъ и высказалъ каждому впечатлѣніе, сдѣланное на него успѣхами учениковъ и методою преподаванія. Человѣкъ военный и крикливъ по военному, но благодаря молитвамъ святыхъ и, можетъ быть, вашему доброму желанію, посланному мнѣ втайнѣ изъ Москвы, Попечитель всего болѣе остался доволенъ моимъ преподаваніемъ. При сей вѣрной оказіи я просился остаться еще на службѣ, сверхъ 25 лѣтъ, минувшихъ 25 октября. „Непремѣнно“, былъ отвѣтъ. Новый директоръ также представлялъ объ этомъ, безъ всякаго съ моей стороны прошенія. Но—еще нѣтъ ничего отъ Попечителя на бумагѣ. Если представится вамъ случай, покорнѣйше прошу васъ узнать объ этомъ: очень много меня обяжете.

Прежнему начальству нашей гимназіи недоставало важнаго—чувства чести и благороднаго образа дѣйствій: есть надежда, что въ новомъ начальствѣ развито *первое*, какъ единственный источникъ *втораго:* всѣ мы очень рады!

Честь имѣю представить вамъ „Макартнея“ въ оригиналѣ и въ переводѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и 7-ю часть Раумера: довольно любопытны главы 7 и 8, для меня, конечно, потому что вамъ извѣстны источ-

ники Раумера—донесенія разныхъ посланниковъ. Нѣсколько листовъ у меня переведены. Если мое знаніе французскаго языка не приводитъ васъ въ отчаяніе, я былъ-бы очень радъ что нибудь поработать съ этого языка.

27.

М. Г. О. М. 25 декабря 1863 года.

Я имѣлъ честь получить отъ васъ сегодня письмо, а въ прошлую субботу книжку „Чтеній“ и 13 экземпляровъ „Марко-Поло“: за все это примите мою усерднѣйшую благодарность; самое драгоцѣнное для меня: ваша память обо мнѣ.

Не знаю, чѣмъ особенно заслужилъ я лестный о себѣ отзывъ Попечителя: ему, кажется, понравилось, что дѣти отвѣчали своими словами; сверхъ того я дѣлалъ имъ много вопросовъ, чтобы можно было увѣриться, что они понимаютъ, что́ говорятъ. Во всякомъ случаѣ отзывъ Попечителя чрезвычайно пріятенъ.

Но всего пріятнѣе ваша вѣра въ мое трудолюбіе, почтенный Осипъ Максимовичъ! Съ живѣйшимъ удовольствіемъ читалъ я о предстоящемъ новомъ трудѣ для меня, и, кажется, самъ пріѣду за нимъ, справившись съ своими финансами, или попрошу явиться къ вамъ письмоводителя нашей гимназіи Заведеева, человѣка надежнаго. А то, при общей у насъ неаккуратности, всякой рѣдкой книгѣ можетъ угрожать участь „Синайской библіи“.

Средство, придуманное Попечителемъ и г. Окружнымъ инспекторомъ Александровымъ, для надѣленія гимназій моими переводами, по прежнему—рекомендація въ „Циркулярѣ“. Спасибо и на томъ.

Отъ всего сердца желаю, чтобы наступающій Новый годъ нашелъ васъ въ совершенномъ здоровьи.

P. S. Вы, вѣроятно, изумились, увидавъ, что 357 и 358 страницы моей рукописи въ двухъ экземплярахъ: это переводъ 55 страницы подлинника—о похоронахъ въ Московіи: Аделунгъ на стр. 262 своего “Барона Мейербера“ говоритъ, что на кладбищѣ гробъ *открываютъ*, а по моему мнѣнію *закрываютъ*; французскій же переводчикъ хочетъ еще запирать его въ ящикъ. Вамъ принадлежитъ рѣшеніе: поллистъ съ этими „похоронами“, просто вложенный, служитъ „хранилищемъ“ моему мнѣнію, а вшитый Аделунгову. Мейерберъ внушилъ мнѣ желаніе приняться и за другой латинскій переводъ, хотя-бы Главинича.

Переписка, при нашихъ безграмотныхъ писцахъ, тянулась восемь недѣль, продлилась-бы и дольше, еслибъ не снизошелъ я къ предло-

гамъ, иной разъ написаннымъ слитно, или отдѣльно, съ такими словами, гдѣ бы имъ слѣдовало стоять наоборотъ. Не сѣтуйте, что посылаю переводъ по почтѣ: удастся-ли самому быть въ Москвѣ въ концѣ Пасхи—еще не знаю, а промедлилъ по обстоятельствамъ съ переводомъ очень долго.

Аделунга и французскій переводъ привезу съ собою.

А Варкочъ не стоитъ для меня долгихъ трудовъ, развѣ что затруднятъ названія мѣстностей.

28.

М. Г. О. М. 1864 года генваря 8-го.

Вчера я получилъ другой транспортъ „Викинговъ“ въ числѣ 13-ти экземпляровъ и, кажется, этого будетъ довольно, а сегодня отъ г. Майкова получилъ драгоцѣнный экземпляръ „Петрея“ *). Дай Богъ, чтобы новый трудъ мой былъ удаченъ, для чего употреблю всѣ мои усилія.

Я собирался было ѣхать самъ за „Петреемъ“, по полученіи квартирныхъ денегъ, въ слѣдующую субботу, такъ какъ понедѣльникъ и вторникъ у меня свободные дни отъ уроковъ въ гимназіи. Но дѣло устроилось иначе. Не откажу, однакожъ, себѣ въ удовольствіи видѣть васъ и побесѣдовать съ вами въ слѣдующемъ февралѣ, около половины его.

Пожелайте мнѣ полнаго успѣха въ моемъ трудѣ.

P. S. Простите моей торопливости, спѣшилъ извѣстить васъ о полученіи книги, и совсѣмъ позабылъ поздравить васъ съ Новымъ годомъ: да принесетъ онъ вамъ ту же прекрасную дѣятельность, какъ и въ прошлыхъ годахъ, къ полному удовольствію всѣхъ вашихъ почитателей.

29.

М. Г. О. М. 28 мая 1864 года.

Спѣшу побесѣдовать и проститься съ вами, предъ отъѣздомъ вашимъ за-границу, также и высказать вамъ искреннее желаніе благополучнаго возвращенія.

Г. Тихонравовъ былъ у насъ на экзаменѣ VII-го класса; по желанію его, я показывалъ ему замѣчательный потиръ въ одной церкви и старинную икону въ другой.

Хлопоталъ было я показать ему здѣшній старинный Дѣвичій монастырь, гдѣ много древнихъ иконъ, но экзамены не дозволили ни

*) Чтенія 1865 г., кн. 4.

минуты свободнаго времени. Все, однакожъ, къ лучшему: я постараюсь описать все, что найду въ Дѣвичьемъ и Рождественскомъ монастыряхъ, и пришлю въ наше Общество, а не въ Новое *), котораго членомъ г. Тихонравовъ. А въ Рождеств. монастырѣ, говорятъ, есть чѣмъ поживиться, хотя доступъ въ его библіотеку очень труденъ: я никакъ не успѣвалъ добиться его, но теперь живу противъ самаго монастыря и, кажется, проникну и въ его библіотеку.

По секрету скажу вамъ, что инспекторъ Московскаго округа, Александровъ, въ письмѣ ко мнѣ предложилъ: желаю-ли я занять мѣсто учителя въ одной изъ Московскихъ гимназій, — не придавая, однакожъ, никакого оффиціальнаго характера своему предложенію. Я отвѣчалъ, что если перейду въ Москву, тамошніе педагоги, пожалуй, отзовутся обо мнѣ также, какъ нѣкогда Англійскіе лорды отзывались о министрѣ Каннингѣ, сравнивая его съ мухой въ кускѣ янтаря: „никому нѣтъ надобности до мухи, только всякій спроситъ, какъ она сюда попала“?

Можетъ быть, вы посовѣтуете мнѣ что нибудь другое, но хоть и говорятъ, что униженіе паче гордости, надобно быть слишкомъ непрактичнымъ, чтобы кинуться на первое предложеніе. „Петрей“ идетъ и осенью явится подъ вашу редакцію.

30.

М. Г. О. М. Получ. 29 ноября 1863 года въ пятн.

Позвольте мнѣ еще продолжить письменную бесѣду съ вами. Попечитель спрашивалъ меня, требовали-ли гимназіи переведенныхъ мною книгъ, по рекомендаціи въ циркулярахъ. Я отвѣчалъ, что по словамъ книгопродавца Базунова „Марко Поло“ проданъ одинъ экземпляръ, а ко мнѣ ни откуда требованій не было. Попечитель просилъ новаго инспектора нашего округа Александрова, напомнить ему объ этомъ. Александрову я таки вручилъ записочку.

Смѣю покорнѣйше просить васъ, почтенный Осипъ Максимовичъ, прислать мнѣ по 25 экземпляровъ „Викинговъ и Марко-Поло“. Можетъ быть, и въ семинарію возьмутъ нѣсколько книгъ, и Исаковъ разрѣшится требованіемъ. Я хотѣлъ лично просить васъ объ этомъ, но нѣсколько дней моего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ прошли въ путешествіяхъ съ моею замужнею сестрою по магазиномъ московскимъ, съ утра до поздняго вечера. Что дѣлать? Свой своему поневолѣ другъ.

*) Московское Археологическое Общество.

Примите мое искреннее желаніе вамъ совершеннаго здоровья и успѣшнаго окончанія ученыхъ трудовъ вашихъ.

N. B. Сейчасъ принесли бумагу отъ директора, что Попечитель оставляетъ меня на 5-ть лѣтъ на службѣ. Усердно благодарю васъ за совѣтъ проситься еще на 5-ть лѣтъ и за доброе слово обо мнѣ!..

31.

М. Г. О. М. 1865 года, февраля 9-го. Владиміръ на Клязьмѣ.

Находясь между страхомъ и надеждою, берусь за перо писать къ вамъ: не исказилъ-ли я бѣднаго „Петрея“? Не взять-ли его для лучшаго исправленія? Наконецъ, довольны-ли вы хоть сколько нибудь имъ? Человѣкъ, у котораго въ жизни одна отрада—трудъ, ревнивѣе къ нему и подозрительнѣе всякаго мужа къ женѣ.

Послѣдняя книжка „Чтеній“ доказала мнѣ, что ваше здоровье поправилось на столько, что вы можете уже выходить: это меня порадовало.

У Попечителя я былъ, но не засталъ его; сказали: уѣхалъ въ университетъ.

Честь имѣю представить вамъ „Саймеса“ изъ Кюльба и отрывокъ изъ рукописной книги „Театрумъ“, о которой имѣлъ случай говорить съ вами лично. Я выписалъ изъ нея по-русски, удержавъ однако правописаніе. Книга очень толстая, въ большой листъ и раздѣлена на 5-ть частей: сначала описаніе странъ (1-я часть), потомъ Воды (2-я), Правленіе (3-я), Острова (4-я), и т. д. Она показалась мнѣ любопытною по множеству диковинокъ, которыя разсказываетъ. Вѣроятно, вы припомнили ее и отыскали, но я во исполненіе даннаго вамъ обѣщанія, счелъ не излишнимъ представить на ваше усмотрѣніе отрывокъ „О попѣ Янѣ“.

Если найдете минуту досуга, напишите нѣсколько строчекъ, а то, не слыхавъ ничего объ васъ; благодаря желѣзной дорогѣ, пріѣду послушать вашей бесѣды; одна голова не бѣдна, а если и бѣдна, то одна, потому объ издержкахъ путевыхъ и не думаю.

32.

М. Г. О. М. 1865 года, марта 9-го.

Третьяго дня я имѣлъ честь получить орденъ Станислава 2-й степени и долгомъ считаю принести усерднѣйшую благодарность, кромѣ моего ближайшаго начальства, и вамъ за внушеніе Попечителю добраго мнѣнія обо мнѣ. Не изъ почестей я тружусь,—но одна увѣ-

ренность, что трудъ мой не безплоденъ и находитъ сочувствіе, служитъ для меня отрадою и побужденіемъ къ новой дѣятельности.

Вы, можетъ быть, изъявите удивленіе, если скажу вамъ, что какъ ни думаю, какъ ни гадаю, а долженъ буду оставить службу: ветерану—служакѣ кажутся какъ-то странны новые порядки, особливо въ нашей гимназіи: директоръ хоть и благонамѣренный человѣкъ, но больной и вялый; инспекторъ пустоватъ, не умѣетъ поддержать своего авторитета во мнѣніи дѣтей; даже и учебное мое дѣло начинаетъ идти плохо... То ли было прежде; такой распущенности между дѣтьми никогда не существовало. Да и геморрой мой начинаетъ давать чувствовать себя: кажется, что въ Москвѣ, особливо въ весеннее время, когда такъ много мѣста для прогулокъ, я бы оправился. Довольно служить, но не довольно работать что нибудь въ кабинетѣ, про который, какъ про тихій пріютъ, я сказалъ бы:

Inveni portum: spes et fortuna valete,
Sat me lusistis, ludite nunc alios.

Впрочемъ, поступлю такъ, какъ вы мнѣ присовѣтуете.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ позабылъ засвидѣтельствовать вамъ мою искреннюю благодарность за книгу „Чтеній“: позвольте теперь усерднѣйше поблагодарить васъ.

33.

М. Г. О. М. 1865 года, апрѣля 5-го.

Христосъ Воскресе!

Позвольте принести вамъ усердное поздравленіе съ Свѣтлымъ праздникомъ и искреннюю благодарность за ваше письмо. Можетъ быть, я буду имѣть честь и лично поздравить васъ въ Москвѣ, если нѣкоторыя семейныя дѣла вызовутъ меня о праздникѣ въ Ростовъ.

„Принципалъ нашъ“—превосходнѣйшій человѣкъ, самый благонамѣренный директоръ и безкорыстнѣйшій чиновникъ, но кроткій и мягкій, или по природѣ или по болѣзни. Съ нимъ-бы, кажется, и не разстался, еслибъ у него былъ по-энергичнѣе помощникъ-инспекторъ, а то помощникъ, по природѣ такой же добрый, отличается не слишкомъ то свѣтлою головою и не умѣетъ, гдѣ надобно, заявить свою инспекторскую силу и значеніе: то пансіонеръ, котораго онъ хочетъ посѣчь, убѣжитъ отъ него подъ защиту брата, такого-же пансіонера, но постарше, и этотъ съ силою говоритъ на отрѣзъ инспектору, что „не позволитъ сѣчь братца“; то ученикъ изорветъ въ присутствіи инспектора отпускной билетъ съ отмѣтками его успѣховъ,—и все это

съ возмутительной грубостью; то вдругъ, въ корридорѣ, во время перемѣны учителей въ классахъ раздаются хлопушки чуть не подъ ухомъ инспектора. Въ утѣшеніе говорятъ, что и вездѣ такъ: плохое утѣшеніе. Но смѣю надѣяться, что вы ничего не разскажете изо всего этого Н. А. Попову: что вамъ пишу, того никому не скажу—и не желаю знать.. Директоръ и самъ видитъ, что помощникъ-то у него дрянь, а потому болѣе занимается теперь самъ: дѣлать нечего. Что касается желанія моего оставить службу, то извините моей болѣзненной хандрѣ: впередъ буду ее, сколько можно удерживать и пригнетать, чтобы не смѣла внушать такихъ желаній и не водила моимъ перомъ въ письмахъ къ почтеннымъ лицамъ, у которыхъ есть занятія по-важнѣе чтенія ипохондрическихъ намѣреній...

Недѣли черезъ двѣ буду имѣть честь представить переведенную мною 7 главу изъ Раумеровой „Europa's", о которой имѣлъ случай лично бесѣдовать съ вами.

Повышеніе мое въ Обществѣ Исторіи и Древностей было-бы лестнѣе для меня всѣхъ возможныхъ орденовъ и наградъ; но оно, по моему мнѣнію, еще и не заслужено мною, тѣмъ болѣе, что сравняетъ меня мѣстомъ съ лучшими знаменитостями Русской науки: не покраснѣть бы мнѣ съ моими ничтожными трудами! Я приношу вамъ глубочайшую признательность, что отложили эту высокую для меня награду,—говорю это искренно, положивъ руку на сердце.

P. S. Что касается моихъ личныхъ отношеній къ гимназическимъ властямъ, они постоянно хороши: одну—высшую, душою люблю; другую—жалѣю, и нахожу, что самая ненавистнѣйшая въ мірѣ нынче должность инспектора, потому что у юношества головы набиты такою взбалмотью, что становится страшно за будущее...

34.

М. Г. О. М. 13 октября 1865 года.

Я очень сожалѣлъ, что мои сборы въ дорогу и хлопоты съ ванной и другими принадлежностями водолѣченія не дали мнѣ никакой возможности проститься съ вами въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ во Владиміръ. Приношу вамъ теперь свою покорнѣйшую благодарность за участіе въ моей болѣзни.

Невзгоды, по выраженію Шекспира, не приходятъ по одиночкѣ, какъ соглядатаи, а всегда эскадронами. Это я испыталъ на себѣ. Директоръ Львовъ, основываясь на счетной книгѣ, говоритъ, что я не имѣю права на полученіе жалованья за второй мѣсяцъ моего отпуска.

По Своду же законовъ это право принадлежитъ мнѣ неотъемлемо. Я просилъ почтеннаго Никол. Петр. Скаренникова замолвить о томъ словечко правителю канцеляріи Хрущову, его короткому знакомцу, потому что это дѣло зависитъ отъ его рѣшенія. Осмѣливаюсь покорнѣйше просить и васъ при случаѣ поговорить о томъ съ Николаемъ Петровичемъ.

Полагаю, что „Петрей“ чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ исправнѣе. Но все-же боюсь, что онъ затруднитъ васъ. Относительно „prandium“ ввелъ меня въ заблужденіе Фридлендеръ съ его новою книгой „Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms“.

Бишинга потрудитесь прислать мнѣ вмѣстѣ съ „Путешественниками“ Кюльба. Прошу васъ вѣрить, что я и послѣ болѣзни такъ же ретивъ къ труду, какъ и до болѣзни.

35.

М. Г. О. М. 1865 года октября 24-го.

Нѣтъ, видно судьбѣ угодно потѣшиться надо мною: только что отрадное ваше письмо сняло съ меня всю тяжесть понесенной мною несправедливости, по случаю остановленнаго моего жалованья, какъ въ тоже время получается бумага изъ канцеляріи Попечителя, вполнѣ разрѣшающая директору удержать мое жалованье за другой мѣсяцъ отпуска. Я, признаюсь, не повѣрилъ ей, потому что сложите предо мной цѣлыя кучи канцелярскихъ бумагъ, за скрѣпою самыхъ почетныхъ авторитетовъ, я не столько повѣрю имъ, сколько вашему слову. Но, вѣроятно, столоначальникъ обманулъ васъ.

Дѣло не въ жалованьи, почтенный Осипъ Максимовичъ, но въ справедливости. Въ счетной книгѣ сказано такъ: „Лица, находящіяся въ отпускѣ на 29 дней и потомъ выпросившія себѣ отсрочку еще на 29 дней, получаютъ жалованье за первый только мѣсяцъ, а за другой—нѣтъ“.—Но я хворалъ, я чуть не сошелъ съ ума, благодаря занятіямъ по составленію каталога нашей библіотеки. Неужели царствуетъ въ мірѣ кривда?

Директоръ по собственной привычкѣ клянчить у Попечителя, то на дачу себѣ изъ суммы, собираемой за ученіе съ учениковъ, то на награду учителямъ, занимающимся воспитаніемъ его дочери,—предлагаетъ и мнѣ просить пособія по случаю издержекъ лѣченія. Я отвергаю это съ презрѣніемъ: дайте мнѣ мое, другаго не надо! По крайней мѣрѣ, подожду вашего добраго совѣта. Что-же мнѣ дѣлать, что я не довѣряю всѣмъ, кромѣ васъ? Я отъ природы мнителенъ...

А. А. Розовъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и очень дорожитъ вашей просьбою къ нему относительно Загорскаго. Однакожъ я, не полагаясь ни на кого, думаю лучше попригоговить его къ экзамену, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ Львова на вашу просьбу былъ такой же вялый, какъ и онъ самъ: онъ вообразилъ, что отъ него требуютъ и учительскаго мѣста для Загорскаго!.. Я поспѣшилъ разувѣрить его... Бѣднякъ! фривольная жена, кажется, совсѣмъ сбила его съ толку.

Прошу вашего извиненія, что утруждаю васъ, но, собравшись единственный разъ во всѣ 27 лѣтъ службы въ отпускъ, не получить за него жалованья—вопіющая неправда.

36.

М. Г. О. М. 1865 г. ноября 8-го.

Не знаю, почему такъ поздно получилъ ваше письмо: оно нумеровано 25 числомъ октября, а пришло ко мнѣ уже—2 го ноября.

Не сердитесь, ради Создателя, за позднее доставленіе предисловія къ „Петрею“*), вмѣстѣ съ двумя вашими книгами: накопилось у меня здѣсь много разныхъ хлопотъ.

Не ропщете-ли на меня за „Петрея“: въ этомъ отношеніи я чистъ передъ самимъ собою, потому что положилъ на него много честнаго труда. Кромѣ „Blant“ есть еще названіе рыбы „Tobias“, котораго не объяснили мнѣ и сами нѣмцы. Боюсь, только, не слишкомъ-ли популярно изложеніе.

Загорскій сегодня держитъ экзаменъ; можетъ быть и мѣстишко пріищется. Дай-то Богъ: малый честный, только ужъ очень неразвитъ.

Не потрудитесь-ли, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ, при случаѣ написать, въ Москвѣ-ли Н. П. Скаренниковъ? Много меня обяжете.

Если угодно вамъ будетъ надѣлить меня моими „Путешественниками“, то болѣе 50-ти экз. мнѣ не присылайте, а другіе 50 чрезъ почтеннаго Д. И. Штейнберга потрудитесь передать Соловьеву въ коммиссію, цѣна эземпляра 2 р. съ пересылкою ему двадцать процентовъ. Совѣстно утруждать васъ такими бездѣлицами, но вы такъ обязательны относительно меня, что внушаете мнѣ смѣлость прибѣгать къ вамъ съ просьбами. Москва увидитъ меня не иначе, какъ съ „Меркелемъ“**).

---

*) Чтенія 1865 г. кн. 4.

**) Латыши, особливо въ Ливоніи Гарливи Меркелъ. Чтенія 1869 г. кн. 3.

37.

М. Г. О. М. 1865 г. ноября 22-го.

Спѣшу васъ увѣдомить, что Загорскій, благодаря собственному старанію и нашимъ заботамъ о немъ, наконецъ сдалъ экзаменъ на городскаго приходскаго учителя и завтра пойдетъ о немъ директорская бумага на утвержденіе къ Попечителю. Можетъ быть, и вы пожелаете замолвить словечко о томъ, чтобы ее не задерживали. Мѣста для Загорскаго у насъ пока еще нѣтъ. А я хотѣлъ-бы, до пріисканія мѣста, занять его перепискою—хоть Меркеля,—разумѣется, съ приличною платою, и ужь конечно не стану его задерживать надолго, имѣя въ виду то обстоятельство, что только три мѣсяца остается Загорскому до срока, до истеченія котораго ему необходимо избрать родъ службы. Все это отдаю на ваше усмотрѣніе. Не знаю, угодилъ ли вамъ предисловіемъ къ „Петрею“: въ другое время распространился бы поболѣе, а теперь, послѣ московскаго леченія, да среди педагогическихъ и библіотечныхъ занятій дома и въ гимназіи, нескоро вырабатывается и ложится на бумагу мысль, да и самъ какъ-то не вошелъ еще въ свою обычную колею.

38.

М. Г. О. М. 1865 г. декабря 1-го.

Извините, что часто безпокою васъ своими письмами. О Загорскомъ, согласно канцелярскому порядку, представленіе не пойдетъ къ Попечителю: ему выдано уже свидѣтельство на званіе городскаго приходскаго учителя. При опредѣленіи же его къ мѣсту, и свидѣтельство, и всѣ его письменные отвѣты посылаются къ Попечителю. Я писалъ вамъ объ утвержденіи свидѣтельства Загорскому Попечителемъ со словъ директора, который хорошенько и самъ не зналъ. Но вотъ бѣда: мѣста-то для нашего protegé не предвидится, а февраль не такъ чтобы очень далеко, когда ему необходимо будетъ избрать родъ службы.

По совѣту директора, я подалъ ему прошеніе объ исходатайствованіи себѣ у Попечителя денежнаго пособія, по случаю долговременнаго леченія, тѣмъ болѣе, что, на основаніи счетныхъ постановленій лишенъ былъ за другой мѣсяцъ моего отпуска жалованья. Не знаю, одобрите-ли вы это; но вѣдь другіе просятъ же и на прихоти, почему же не просить на необходимое? “Меркель“ идетъ какъ слѣдуетъ.

39.

М. Г. О. М. 11 декабря 1865 года.

Считаю пріятнымъ для себя долгомъ принести вамъ усердное поздравленіе съ чиномъ генерала и титуломъ Превосходительства. Эготъ титулъ, какъ нельзя лучше, совпадаетъ съ составленнымъ давно уже вами для себя титломъ превосходнаго человѣка и ученаго.

Загорскій оказался слишкомъ непривычнымъ въ переписываніи моего кропанья и только портитъ. За то у него есть другія положительныя достоинства и первоначальный педагогъ выйдетъ изъ него прекрасный. Жаль только, что у насъ мѣста для него не предвидится.

40.

М. Г. О. М. 1866 года, генваря 4-го.

Приношу вамъ усердное поздравленіе съ Новымъ годомъ и желаю такъ-же здоровья, какъ и вамъ угодно было пожелать мнѣ.

Что касается Загорскаго, откровенно скажу вамъ, что едва-ли онъ на первыхъ порахъ будетъ годиться въ учителя уѣзднаго училища: одного трудолюбія для того мало, необходимо знаніе, а знанія-то у него и мало, и пріобрѣтается оно въ самыхъ малыхъ дозахъ: таково ужъ состояніе его умственныхъ способностей, при забитости его положенія съ самаго ранняго дѣтства.

Если П. М. желалъ оказать ему добро, то мѣсто приходскаго учителя было-бы для него сподручнѣе: не такой онъ человѣкъ, чтобы погрязнуть тамъ, и соблазны дѣйствуютъ на него, какъ дождь на клеенку: въ наше время рѣдко можно встрѣтить юношу нравственнѣе и чище во всѣхъ отношеніяхъ, а отзывы о немъ нашей дирекціи будутъ самые блестящіе.

Если надоѣлъ я вамъ Загорскимъ, то особенно имѣю въ виду, чтобы какъ нибудь онъ не скомпрометировалъ вашей уважаемой рекомендаціи. Впрочемъ, мы поступили по вашему совѣту: приложивъ документы, Загорскій послалъ прошеніе о допущеніи его къ исправленію должности учителя Исторіи въ уѣздномъ училищѣ.

Покорнѣйше васъ благодарю за внимательное поджиданіе меня въ Москву: скоро явлюсь съ „Меркелемъ“.

41.

М. Г. О. М. 1866 г. апрѣля 7-го

Обѣщавши окончить „Латышей“ къ генварю, я только въ апрѣлѣ представляю вамъ ихъ и это не по моей винѣ, а по винѣ переписчика, къ которому прибѣгнулъ я, полагая, что раздѣленіе труда поскорѣе приведетъ этотъ трудъ къ концу. Вышло, однакожъ то, что цѣлыя 5 недѣль я только и дѣлалъ, что поправлялъ чужое писанье. Гдѣ ужъ въ провинціи найти исправнаго писца! И у седьмаго класса гимназіи правописаніе страдаетъ сильно. Вторую тетрадь писалъ я прямо съ подлинника. Досадно, и очень досадно, что такъ понадѣлалось съ бѣдными „Латышами“ и я, не желая тратить дорогаго времени, перевелъ, уже стихи „Меркеля“ прозой, а то было уже готовыхъ куплетовъ 13-ть стиховъ.

Слово „Hof“ переводилъ иногда „господскій дворъ“, иногда „усадьба“. Пропуски у переписчика найдены и пополнены; но у меня врядъ-ли найдутся.

Крайне буду жалѣть, еслибы „Латыши“ не вошли въ „Чтенія“ по какой бы то ни было причинѣ, потому что занимался ими съ любовью.

Мнѣ достаточно будетъ 50-ти экземпляровъ особыхъ оттисковъ; и усердно буду благодаренъ за нихъ.

Какъ теперь ваше зрѣніе, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ? нетерпѣливо желаю знать о томъ. Не слыхали-ли чего о новомъ нашемъ директорѣ?

Здѣсь всѣхъ насъ сильно занимаетъ случай съ Государемъ: что это страшное дѣло? фанатизмъ-ли отдѣльнаго лица, или цѣлой какой-то партіи,—Богу извѣстно...

42.

М. Г. О. М. 1866 года, апрѣля 26-го.

Одинъ изъ нашихъ почтовыхъ экспедиторовъ уже другую недѣлю сидитъ на гауптвахтѣ за то, что не устоялъ отъ соблазна, представляемаго нынче новою системою пріема денежныхъ корреспонденцій и посылокъ: деньги бралъ себѣ, а съ посылками обходился крайне небрежно. Это чрезвычайно встревожило меня за судьбу „Меркеля“, посланнаго къ вамъ въ подлинникѣ и въ переводѣ 8-го числа сего мѣсяца, и для успокоенія себя рѣшился писать вамъ. Если дозволитъ вамъ время, потрудитесь написать нѣсколько строчекъ, что̀ принесетъ мнѣ большое удовольствіе и разсѣетъ мои сомнѣнія.

Въ поздней присылкѣ „Меркеля“ виноваты неблагопріятно сложившіяся обстоятельства; я принялся теперь за „Бюшинга“.

Директоръ нашъ не ѣдетъ по сю пору.

Желалъ-бы знать о состояніи вашего здоровья.

43.

М. Г. О. М. 1866 года, іюня 8-го.

Прилагаю при семъ списочекъ тѣхъ статей въ магазинѣ Бюшинга, которыя особенно обратили мое вниманіе; въ такомъ-же порядкѣ я думаю и переводить ихъ. Желалъ-бы знать ваше мнѣніе о томъ.

Мои экзамены въ четырехъ классахъ сошли благополучно въ присутствіи новаго директора, кажется, обѣщающаго въ себѣ дѣятельнаго начальника; объ экзаменѣ въ VI классѣ онъ выразился, что оставляетъ его съ пріятнымъ впечатлѣніемъ, Но жаль, что экзаменъ VII класса сошелъ неудачно: причиною, навѣрное, то положеніе, по которому 2 за отвѣтъ по Исторіи не мѣшаетъ поступать въ университетъ безъ экзамена. Безъ директора, да и при Львовѣ, семиклассные гимназисты, а особливо пансіонеры, дѣлали мало. Рѣдко можно встрѣтить такихъ милыхъ и образованныхъ молодыхъ ученыхъ, какъ Н. В. Бугаевъ, командированный къ намъ на экзамены отъ университета. Смѣю думать, что вскорѣ буду имѣть честь видѣть васъ и бесѣдовать съ вами лично.

44.

М. Г. О. М. 1866 года октября 2-го.

Со времени моего послѣдняго свиданія съ вами по сію пору я исключительно занятъ былъ дѣлами по должности: составлялъ систематическій каталогъ гимназической библіотеки, который и окончилъ; потомъ съ открытіемъ педагогическихъ курсовъ при уѣздномъ училищѣ, наступилъ для меня періодъ новыхъ занятій: кромѣ дѣла учительскаго, на мнѣ лежитъ также обязанность инспектора педагогическихъ курсовъ; слоняюсь въ училище каждый день, сижу тамъ часа два,—и теперь пишу къ вамъ, совершенно истрепавшись. Но довѣрія ко мнѣ Попечителя ронять не хочу, и что̀ съумѣю—сдѣлаю. Найду время и для собственныхъ, любимыхъ занятій.

Новый учитель нѣмецкаго языка Герингъ, привезъ съ собою исторію Петра I-го, на Русскомъ языкѣ, печатанную въ Венеціи въ 1761 году: обѣщалъ отыскать ее и доставить мнѣ. Другая книга, ко

мнѣ попавшая, не менѣе любопытна: это—„Der Ehste und sein Herr.“—von Einem, der weder ein Ehste, noch dessen Herr ist“—съ эпиграфомъ: Amicus Plato, amicus Socrates *et cet.*—Berlin,—1861. Книжечка маленькая, но преинтересная: невеличка птичка, да носокъ востеръ. Авторъ, напримѣръ, знаетъ одного нѣмецкаго учителя въ Эстляндіи, который „einen Knaben esthnischer Herkunft in die obere Klasse ungern versetzt, lediglich aus dem Grunde, weil derselbe ein Ehste ist“. „Wer wird das Land bauen, wenn alle Bauern in die Staedte ziehen, wenn jeder von ihnen ein Deutscher sein will?“ сказалъ онъ. Мнѣ сказывалъ аптекарь, что эта книжка уцѣлѣла чудомъ изъ многихъ ея экземпляровъ, скупленныхъ Эстляндскимъ дворянствомъ для сожженія!.. Я, пожалуй, переведу ее: 163 страницы только.

Какъ здоровье ваше среди холерной нѣсколько атмосферы? А нашъ городъ, благодареніе Богу, совершенно здоровъ.—Не собирается-ли къ намъ Попечитель? говорятъ—обѣщалъ пріѣхать.

45.

М. Г. О. М. 1866 года ноября 14-го.

Ничто не выскажетъ моего радостнаго изумленія, съ которымъ читалъ я оффиціальное ваше извѣщеніе о единогласномъ избраніи меня Обществомъ Исторіи въ Дѣйствительные его Члены...

Радость смѣнилась во мнѣ грустью, когда я сообразилъ, что мои ничтожныя заслуги оцѣнены такъ высоко, что дали мнѣ право засѣданія среди первыхъ представителей Русской науки. Когда-то прозябавшій въ глуши уѣзднаго городишка смотритель училища, въ единственномъ, исключительномъ общеніи съ своими немощами, выбрался на Божій свѣтъ, благодаря одному только трудолюбію.

Слава благородному и безкорыстному труду, который выбираютъ себѣ спутникомъ жизни люди, подобные мнѣ, съ условіями моего воспитанія, моего труднаго пути къ какому ни на есть значенію, и, наконецъ, съ условіями моего здоровья!

Но если славенъ трудъ, то еще славнѣе тѣ немногіе, рѣдкіе люди, которые возбуждаютъ энергію труженика и поддерживаютъ ее своею снисходительностью къ его трудамъ: эта завидная слава неоспоримо принадлежитъ вамъ, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ Примите мою глубочайшую признательность.

46.

М. Г. О. М. 1867 года генваря 8-го.

Приношу вамъ усерднѣйшее поздравленіе съ Новымъ годомъ, желая искренно, чтобы и въ этотъ Новый годъ хорошее состояніе

вашего здоровья нимало не прерывало вашей полезной ученой дѣятельности.

Къ Посту или къ Святой надѣюсь представить вамъ двѣ статьи изъ Бюшинга: онѣ первыя въ той записочкѣ, которую я доставилъ вамъ прошедшею Масленицей. А „Эстовъ" я пришлю къ вамъ въ подлинникѣ съ кѣмъ нибудь изъ студентовъ, а потомъ, разумѣется, переведу ихъ въ случаѣ вашего на то желанія.

Праздникомъ не былъ я въ Москвѣ потому, что разбился съ квартирою: сырая и при томъ дорогая, но съ такими качествами она здѣсь не исключеніе: почти всѣ помѣщенія страдаютъ этими недостатками.

Нашъ директоръ теперь въ Москвѣ;—человѣкъ умный, навѣстилъ меня передъ отъѣздомъ, слишкомъ разоткровенничался (извините это выраженіе), сказалъ, что мои товарищи по службѣ аккуратно исполняютъ свои обязанности, но только *„воду въ ступѣ толкутъ"*! Какъ вамъ это покажется? По моему не слѣдовало бы такъ говорить сослуживцу о сослуживцахъ.

Теперь я относительно ихъ точно *scrinium pectoris* Лютера: молчу, чтобы не возбудить неудовольствія и зависти.

Нѣсколько строкъ отъ васъ было-бы большою для меня радостью.

P. S. Почтите меня увѣдомленіемъ, сколько я долженъ доставить денегъ за дипломъ на дѣйствительнаго члена: я тотчасъ-же буду имѣть честь ихъ представить.

47.

М. Г. О. М. 11 іюня 1867 года.

10-е число сего мѣсяца я имѣлъ честь получить ваше письмо, заставшее меня въ хлопотахъ съ двумя „Сватовствами" изъ Бюшинга: обѣ статьи привезу самъ 23-го сего мѣсяца. А указатель непремѣнно, во что-бы то ни стало, присланъ будетъ никакъ не позднѣе 21-го числа, а раньше покончить съ нимъ нѣтъ возможности для меня по случаю экзаменовъ: вѣрите-ли, вчера съ 9 час. утра сидѣли до 6-ти вечера,—и такіе дни не рѣдкость: все испытываемъ нашихъ дурачковъ. При свиданіи съ вами, котораго жду съ крайнимъ нетерпѣніемъ, все разскажу вамъ. Наши пообидѣлись обращеніемъ съ ними г. Герье: держалъ себя ужь черезъ-чуръ чинно — молодъ! Со мною былъ довольно свободенъ, и не натянутъ. Если вамъ угодно будетъ хотя денькомъ позднѣе выдать книжку, то къ 21-му указатель непремѣнно будетъ; половина ужь есть.

Слышалъ о вашемъ нездоровьи и отъ всей души сожалѣлъ; надѣюсь, что жизнь внѣ занятій принесетъ вамъ много пользы.

48.

М. Г. О. М. 1867 г. 16 іюня.

Я съумѣлъ найти время для приготовленія „указателя“ къ „Петрею“,—и онъ явится къ вамъ при этомъ письмѣ, съ прибавленіемъ „опечатокъ“, которыхъ впрочемъ весьма немного. Съ нетерпѣніемъ ожидаю для себя возможности засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе лично.

За образецъ при составленіи указателя я взялъ такой же „указатель“ Клеванова къ „Аделунга Путешественникамъ“. Мой, кажется, довольно полный.

49.

М. Г. О. М. 21 сентября 1867 года.

Разсчитывая на участіе, которое вы всегда принимали въ моей службѣ, спѣшу васъ увѣдомить, что вчерашній день я подалъ директору просьбу объ увольненіи меня отъ должности учителя при Владимирской гимназіи. Попытка послужить еще, несмотря на 4-ре (иногда 5-ть) уроковъ, почти ежедневно, только надорвала меня. Спокойно оглядывая пройденный мною служебный путь, я не чувствую никакой тяжести на своей совѣсти: мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя.

Но жаль, что 4-ре года службы, сверхъ положеннаго двадцатипятилѣтія, не увеличатъ 5-ю долею мою пенсію. Это обстоятельство и заставило меня обратиться къ директору съ просьбою дозволить мнѣ дослужить 5-ый годъ въ должности штат. смотрителя здѣшняго училища съ тѣмъ, чтобы въ то же время исправлять и должность инспектора Педагогическихъ курсовъ. Эминъ отправился сегодня въ Москву для представленія князю Ширинскому-Шихматову. Что̀ будетъ—еще не знаю.

Мнѣ думается, что разстроенное усердною службой здоровье давало бы мнѣ право на прибавку къ пенсіи и ранѣе установленнаго для того срока.

Съ искреннею признательностью приму всякое съ вашей стороны содѣйствіе въ моихъ планахъ.

Въ случаѣ выхода въ свѣтъ „Петрея“, прикажите продавать его Соловьеву по 1 р. 50 к. за экземпляръ, на прежнихъ условіяхъ. А мнѣ благоволите прислать хотя 20-ть книжекъ: Соловьевъ пусть возь-

метъ 50; все это въ такомъ только случаѣ, если нисколько не обезпокоитъ васъ.

Я и то сильно заподозриваю ваше здоровье въ эту ужасную осень. Впрочемъ, одинъ изъ студентовъ увѣдомлялъ меня, что лекціи вы, слава Богу, посѣщаете. Это немного вывело меня изъ состоянія неизвѣстности.

50.

М. Г. О. М. 1867 г. 18-го октября.

Спѣшу изъявить вамъ искреннѣйшую благодарность за дѣятельное участіе въ моемъ перемѣщеніи по службѣ.

Долѣе, при настоящихъ обстоятельствахъ, продолжать службу въ должности учителя я рѣшительно не могъ: послѣ 4-хъ уроковъ, а особливо послѣ 5-ти, я возвращался домой съ усталой грудью и осиплымъ горломъ: это я счелъ недоброй примѣтой, и на неоднократные вопросы директора— не измѣнилъ ли я своего намѣренія относительно выхода изъ гимназіи, всегда отвѣчалъ отрицательно, точно также отвѣтилъ ему и передъ поѣздкой его въ Москву. Но еще по первымъ моимъ отзывамъ онъ писалъ къ Герье—нѣтъ-ли у него кандидата на мое мѣсто? вотъ почему Герье и узналъ о моемъ намѣреніи.

Скажу вамъ откровенно: въ должность смотрителя я пошелъ очертя голову: училище запущено, помѣщеніе его жалкое, служащіе при немъ таковы же. Директоръ, разумѣется радъ-радёхонекъ такому честному служакѣ, а этотъ служака, по случаю слабаго здоровья, очень не надеженъ.

Ваши молодые ученые пріѣхали къ намъ 16 числа октября. Кочубинскій—на мѣсто Розова, Лебедевъ—на мое: послѣдній мнѣ больше нравится, только трудовъ ему будетъ довольно.

Усерднѣйше благодарю васъ и за готовность устроить къ Соловьеву моего „Петрея“.

51.

М. Г. О. М. 1868 года марта 16-го.

Давно уже не имѣлъ я удовольствія бесѣдовать съ вами письменно: причиною различныя занятія: то сдача гимназической библіотеки, которою завѣдывать въ настоящихъ должностяхъ моихъ весьма неудобно, то уроки на педагогическихъ курсахъ, то необходимый надзоръ по училищу; а бесѣдовать было о чемъ: я получилъ Императорскую корону къ Станиславу 2-й степени, за которую, вѣроятно, обязанъ я вашему сильному слову, и, слѣдовательно, долженъ заявить

вамъ искреннюю мою благодарность. Потомъ я отыскалъ книгу: Ehstland und die Ehsten, oder historisch – geographisch—statistisches Gemälde von Ehsfland. Ein Seitenstück zu Merkel über die Letten, von Joh. Christoph. Petri—3. Bände.—Gotha—1802. mit den Kupfern. Книга очень любопытная, посвящена вице-канцлеру князю Куракину.

Мнѣ чрезвычайно хотѣлось-бы, чтобы вы потрудились приказать доставить мнѣ экземпляровъ 20 статьи „Два сватовства". А книжку „Чтеній" я получилъ, и премного вамъ благодаренъ за нее.

Прилагаю листочекъ съ замѣченными мною опечатками: можетъ быть, найдете удобнымъ приложить его къ слѣдующей книжкѣ „Чтеній", какъ это было съ опечатками въ „Марко-Поло".

Желалъ-бы съ нетерпѣніемъ знать о состояніи вашего здоровья.

52.

М. Г. О. М. 26 октября, 1868 года.

Не могу не высказать моего горькаго сожалѣнія о потерѣ, понесенной въ васъ Московскимъ университетомъ. Мое сожалѣніе становится тѣмъ задушевнѣе, что онъ самъ отрекся отъ васъ. Пройдетъ же когда нибудь его ослѣпленіе, умолкнутъ страсти, рушатся козни кое-какихъ коноводовъ этого дѣла, и какъ тяжело будетъ тогда для университета сознаніе несправедливости къ вамъ и незамѣнимости васъ въ его средѣ!

Сожалѣю о теперешнемъ его ослѣпленіи; еще больше сожалѣю о будущемъ, позднемъ и горькомъ его сознаніи...

Всѣ ваши слушатели раздѣляютъ со мною сожалѣніе объ университетѣ: Заксъ, Лебедевъ, и не скрываю, что ихъ сожалѣніе еще живѣе моего, потому что они слушали ваши лекціи.

Во вторникъ надѣюсь быть въ Москвѣ для покупки кое-какихъ книжекъ, утраченныхъ 4-мя библіотеками, которыми я завѣдывалъ, а нѣкоторыми еще завѣдываю и теперь. Просьбу объ увольненіи меня отъ службы я подалъ директору: онъ уговорилъ меня измѣнить ея содержаніе и просить только о прибавкѣ къ получаемой пенсіи 5-ой части ея, по истеченіи 5-ти лѣтъ, сверхъ 25-тилѣтняго срока службы, а не объ увольненіи: что было дѣлать? я согласился на нѣсколько времени.

53.

М. Г. О. М. 1868 года, декабря 31.

Честь имѣю поздравить васъ съ Новымъ годомъ при искреннемъ желаніи вамъ совершеннаго здоровья.

Въ генварѣ или февралѣ, приведя въ порядокъ училищныя дѣла, подаю просьбу объ отставкѣ, несмотря ни на что—здоровье говоритъ: довольно! а охота къ любимымъ занятіямъ манитъ успѣхомъ въ нихъ, внѣ общественной службы. Поскорѣе бы выходила прибавка къ пенсіи.

Директоръ нашъ добрался и до уѣздныхъ училищъ: то штатнаго смотрителя свернетъ, то учителя переведетъ куда нибудь дальше и дальше. А съ здѣшнимъ уѣзднымъ училищемъ ему пока нечего сдѣлать: тѣсное, душное помѣщеніе, полуразрушенный домъ, а другой домъ нанять не по средствамъ училища. Общество же, застарѣлое въ своихъ предразсудкахъ, кажется, заснуло подъ обаяніемъ мечты о минувшемъ дорогомъ времени, о крѣпостномъ правѣ, о возможности давить людей по улицамъ орловскими рысаками, и мало-ли еще о чемъ! Такого равнодушія къ общественному благу я не встрѣчалъ еще нигдѣ: прошлою осенью и въ началѣ зимы обокрали жандармскаго начальника, директора, учителя гимназіи, а другому учителю ночью на улицѣ чуть не проломили головы. Таково наше житье-бытье.

Сейчасъ отправилъ два годовыхъ отчета къ директору—одинъ о состояніи уѣзднаго училища, другой — педагогическихъ курсовъ, а пишу все самъ.

54.

М. Г. О. М. 1869 года, декабря 1-го.

Боюсь, не огорчаетъ-ли васъ моя непростительная медленность въ исполненіи обѣщанныхъ мною трудовъ для Общества Исторіи. Что прикажете дѣлать? Въ началѣ осени была страшная возня съ приготовленіями къ пріѣзду Министра гр. Толстого, относившимися какъ къ глянцевитости училища, такъ и приличной наружности штатнаго смотрителя, который по этому случаю принужденъ былъ сшить оффиціальный мундиръ, давно уже забытый его довольно тучнымъ тѣломъ.

Наконецъ, въ половинѣ наступившаго мѣсяца я подаю въ отставку, съ позволенія директора: это вѣрно и не допускаетъ никакихъ сомнѣній.

Князь Ширинскій-Шихматовъ, въ бытность свою у насъ вмѣстѣ съ Министромъ, самъ вызвалъ меня просить денегъ на квартиру, которой нѣтъ для меня въ училищѣ, а теперь отказываетъ: странное противорѣчіе у этихъ господъ!

Что кончено у меня изъ переводовъ, привезу самъ; чего не кончилъ, покорнѣйше прошу дозволить мнѣ кончить: не опасайтесь, я еще не измѣнился.

Желалъ-бы знать каково ваше здоровье по возвращеніи изъ путешествія на родину.

P. S. Не найдете-ли возможнымъ, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ, помѣстить въ одной изъ московскихъ газетъ, или въ Журналѣ Общества, прилагаемое мною самое свѣжее извѣстіе о такъ называемыхъ „Церковныхъ Съѣздахъ“ въ Лифляндіи?

55.

Христосъ Воскресе!

М. Г. О. М. 13 апрѣля 1870 года.

Честь имѣю принести вамъ свое поздравленіе съ Свѣтлымъ праздникомъ и искреннюю благодарность за присланную книгу „Чтеній“.

Такъ какъ Эстляндское дворянство, пожалуй, обидится, что на его дома „Меркель“ поскупился, то я къ половинѣ маія буду имѣть честь представить въ русскомъ переводѣ: „Der Este und sein Herr“: давно бы уже слѣдовало мнѣ окончить ее, но сдача должностей да побаливающіе глаза не дали мнѣ справиться ни съ чѣмъ порядочно.

И такъ я уже другой мѣсяцъ пользуюсь свободой, и радъ радехонекъ, что разстался съ Эминымъ. Я вполнѣ разгадалъ его. Представьте, въ видахъ старческаго себялюбія, дозволяетъ себѣ ложь, и еще самую грубую! При свиданіи разскажу вамъ всю подноготную, а это свиданіе, кажется, послѣдуетъ въ этомъ мѣсяцѣ.

Не безпокойтесь присылать мнѣ оттиски „Меркеля“: самъ пріѣду; а теперь позвольте представить листокъ замѣченныхъ мною опечатокъ. Не говорю, какъ буду радъ, если найду васъ въ совершенномъ здоровьи.

56.

М. Г. О. М. ноября 8-го 1870 года.

Только теперь представляю вамъ обѣщанный мой трудъ. Взглянувъ на него попристальнѣе, увидите, что только 5-ю часть этихъ двухъ тетрадей писала посторонняя рука; все остальное—я самъ: наши писцы безграмотны.

Оставлять трудъ неоконченнымъ мнѣ не хотѣлось. Прійдетъ-же время, когда эта книжка, правдивая и рѣдкая, по увѣренію здѣшнихъ нѣмцевъ, будетъ извѣстна и въ русскомъ переводѣ. А пока я и тому радъ, что успѣлъ исполнить свое обѣщаніе.

Очень пріятно и назидательно будетъ мнѣ побесѣдовать съ вами лично при настоящихъ весьма важныхъ обстоятельствахъ Русской

земли. Дней черезъ 12, кажется, буду имѣть возможность посѣтить Москву.

Мейерберъ теперь будетъ подвигаться поскорѣе, только-бы глаза служили поусерднѣе.

57.

М. Г. О. М. марта 5-го 1871 года.

Я весьма сожалѣлъ, что въ бытность мою въ Москвѣ не успѣлъ еще разъ посѣтить васъ и воспользоваться вашею бесѣдою: причиной того—моя слишкомъ подвижная жизнь въ столицѣ, то туда, то сюда, смотришь, дней трехъ какъ не бывало.

Былъ раза два у Брауна—прописалъ мнѣ консервы, да еще хининные порошки, принимаю уже третью коробку и повидимому они укрѣпляютъ.

Книги, находящіяся у меня и полученныя отъ васъ, слѣдующія: 1) пять книгъ Бюшинга; 2) Баронъ Мейерберъ—Аделунга; 3) Iter in Moscoviam—Мейерберга; 4) Sammlung Russisch. Geschichte—одна книжка; 5) Voyage en Moscovie—того-же Мейербера (преплохой переводъ съ латинскаго подлинника: да сохранятъ мой переводъ отъ подобныхъ недостатковъ всѣ Святыя силы)!. 6) Religion der Moscoviter. 1712 года.

Въ слѣдующую поѣздку въ Москву, три книги Бюшинга буду имѣть честь вамъ доставить, а оставлю у себя тѣ, гдѣ Скультетусъ и Минихъ.

Искренне желаю вамъ совершеннаго здоровья.

P. S. Здѣсь новость: учитель гимназіи Соколовскій экстренно, съ подобающею въ такихъ случаяхъ церемоніею и обстановкой, увезенъ въ Петербургъ... Я не былъ знакомъ съ нимъ, а говорятъ—хорошо училъ.

58.

М. Г. О. М. 18 августа 1871 года.

Приношу вамъ усерднѣйшую благодарность за 2-ю книгу „Чтеній“: съ удовольствіемъ ее читаю.

Надѣюсь прислать вамъ и „Мейербера“ въ первыхъ числахъ декабря мѣсяца: въ жаркое нынѣшнее и болѣзненное лѣто никуда не двигался изъ Владимира, до сихъ поръ пощаженнаго холерою; отдѣльные случаи заболѣванія этою болѣзнію, даже и смертельные, хотя и бывали, но въ большихъ промежуткахъ времени и какъ послѣдствія крайняго невоздержанія- что Богъ дастъ дальше?

Признаюсь въ своемъ малодушіи: все побаивался, при постоянномъ почти ненормальномъ состояніи моего желудка, съѣздить въ Москву—запастись кое-какими книжками и ландкартами; въ нихъ оказалась надобность для правильнаго возстановленія названій рѣкъ и городовъ, искалѣченныхъ Мейерберомъ, а предоставлять все это вамъ самимъ—никакъ не хочу: чтожъ я буду за членъ Общества Исторіи, если не сумѣю сладить съ этимъ? Итакъ, покорнѣйше прошу васъ, не мѣшайте мнѣ это сдѣлать самому, также и прибавить кой-какія примѣчанія собственнаго издѣлія относительно нѣкоторыхъ, упоминаемыхъ у Мейербера лицъ, чуть не вовсе у насъ неизвѣстныхъ, если же въ чемъ и ошибусь, то, по словамъ Овидія:

Si fuit errandum, causas habet error honestas. Еще кое о чемъ скажу при свиданіи: потому что вскорѣ буду имѣть честь васъ видѣть.

59.

М. Г. О. М. 1871 года, ноября 17.

Очень сожалѣю о вашей опасной болѣзни и искренне желаю вамъ скорѣйшаго и совершеннаго поправленія. Эта болѣзнь, вѣроятно, простудная, очень обыкновенная въ это время года, особливо, когда у насъ ни осень, ни зима, ни лѣто, а Богъ вѣдаетъ, что такое!

Такая неопредѣленность погоды сильно вредитъ намъ, геморроидальнымъ бѣднякамъ, такъ что не знаемъ, куда и дѣваться отъ нея.

Шесть томовъ Бюшинга буду имѣть честь доставить вамъ при первой вѣрной окказіи, а она, безъ сомнѣнія, не замедлитъ представиться.

Въ „запискѣ о Понятовскомъ“ вкрались четыре крупныя опечатки. и, побаиваюсь, не отъ моей ли оплошности. Первая на страницѣ 5 й: „У нея (Екатерины) онъ, Понятовскій, пользовался тѣмъ испорченнымъ языкомъ, который такъ нравится женщинамъ“. Согласитесь, что женщины любятъ все въ цѣльномъ, здоровомъ, неиспорченномъ видѣ. Чувствую ошибку, а поправить не могу: переводилъ прямо набѣло, чернового перевода не было. Не „изысканнымъ ли образомъ выраженія“?

Если это вышло отъ меня, вы очень снисходительны ко мнѣ: возвратили бы переводъ мнѣ назадъ, съ замѣчаніемъ, чтобы не принимался, чего хорошо не знаешь. Я же строгъ къ себѣ во всемъ.

Если находите нужнымъ, то потрудитесь въ слѣдующей книжкѣ отмѣтить важныя опечатки, отъ которыхъ сильно страдаетъ смыслъ предложеній:

7-я стран., 5 строка—уважала этотъ родъ; читайте: уважала родъ покойной сестры.

8-я стран., 15 строка—есть въ этомъ; чит.: есть на сеймѣ.

21-я стран., 8 строка—иностранныхъ дворовъ; чит.: у иностранныхъ дворовъ.

27-я стран. 3 строка—что Русскихъ; чит.: что допустилъ Русскихъ.

14-я стран., 25 строка — продолженіе Польши; чит.: положеніе Польши:

Я пріобрѣлъ у Кольчугина словарь Щекатова, втораго, полнаго изданія, и онъ много помогаетъ мнѣ; но отказывается совсѣмъ отъ старинныхъ городовъ на Дону, да и что это за города? Труясъ, Навбарисъ, Ахасъ. Не поможетъ ли въ этомъ „Исторія о Донскихъ казакахъ“ Ригельмана? И. Г. Соловьевъ до сихъ поръ не выслалъ мнѣ этой книги. А въ книжкѣ Большаго чертежа ничего нѣтъ, что нужно для меня о городахъ на Дону.

Покорнѣйше благодарю васъ за желаніе здоровья; я былъ бы вполнѣ счастливъ, еслибъ сбылось ваше, безъ сомнѣнія, искреннее желаніе.

Третья книжка „Чтеній“ чрезвычайно любопытна и заняла меня на цѣлый день безъ перемежки.

Позвольте и мнѣ покорнѣйше просить васъ беречь свое здоровье въ эту несчастную погоду.

60.

М. Г. О. М. 6 декабря 1871 года.

Спѣшу исполнить просьбу вашу относительно присылки Бюшинга: при семъ посылаю бывшія у меня 5 книгъ его.

Желалъ бы очень знать, успѣшно ли поправляется ваше здоровье? А я сильно расхворался въ эту осень все приливами къ головѣ крови: кажется, что съ 10 декабря пойдетъ лучше, потому что такъ бывало и прежде. Только и спасаюсь прогулкой.

Прошу позволенія у васъ прислать къ вамъ Мейербера, сначала собственно путешествіе, а потомъ, спустя немного, Statuta. Письма съ замѣчаніями довольно...

Я весьма былъ бы радъ, еслибъ услышалъ вѣсть о совершенномъ вашемъ выздоровленіи.

61.

М. Г. О. М. 3-го апрѣля 1872 года.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Москвы посѣтили меня разныя немощи, и заставили поскорѣе искать помощи писца для переписыванья незабвеннаго для меня Мейербера: но не говорю ни о своихъ болѣзненныхъ усиліяхъ, чтобы совсѣмъ окончить его, ни о расходахъ для

той же цѣли, желаю всей душою одного только, чтобы переводъ мой былъ удаченъ. Я всегда старался быть вѣрнымъ подлиннику, но, можетъ быть, не всегда доставало у меня умѣнья сохранить сжатость подлинника; одно мѣсто у Мейербера я передалъ, по своему крайнему разумѣнію, вовсе другими словами противъ подлинника—вотъ оно: Борисъ Годуновъ „filio Theodoro in male decursis regni vulcanalibus lampada tradidit". По французскому переводу выходитъ, что Годуновъ далъ сыну факелъ затѣмъ, чтобы бѣжать съ нимъ по всему царству. Это меня привело въ смущеніе.

Не нашелъ также значенія слова: Sipparchus. Примѣчанія, насколько хватило смысла, приложилъ къ переводу. Но рѣка Донъ.... я не зналъ, что съ нею дѣлать. При „Исторіи о Донскихъ казакахъ", полученной мною отъ г. Кудрявцева, карты нѣтъ никакой.

И текстъ, и примѣчанія, съ нѣкоторою робостью, поручаю вашему вниманію. Первыя страницы, какъ и всякое первое впечатлѣніе, не дадутъ еще полнаго понятія о предметѣ. Но благодарю васъ отъ всего сердца, что дали мнѣ возможность потрудиться надъ этимъ путешествіемъ.

„Варкоча и Главинича" не забуду.

62.

М. Г. О. М. 4 декабря 1872 года.

При свиданіи съ вами я передалъ вамъ, что насилу отыскалъ городъ Ахасъ, упоминаемый у Мейербера, и во избѣжаніе поисковъ съ вашей стороны также относительно этого города, имѣю честь представить выдержку о немъ изъ исторіи Карамзина:

„На Дону, въ 12-ти миляхъ отъ Азова, былъ городъ Ахасъ (гдѣ нынѣ старый Черкасскъ), изобильный плодами, рыбою, дичью, веселый мѣстоположеніемъ, окруженный садами природными, богатый всѣмъ, что нужно человѣку для самой роскошной жизни. Говорили: имѣй только огонь и соль: все прочее найдешь въ Ахасѣ". Ист. Карамз. Т. VII, стр. 223.

Потрудитесь присоединить это къ примѣчаніямъ при Мейерберѣ. Желалъ бы знать о вашемъ здоровьи.

А я все хлопочу по дѣлу о наслѣдствѣ послѣ сроднаго моего брата: весь октябрь все ѣздилъ за разными документами въ Ярославль и Ростовъ.

63.

М. Г. О. М. 5 марта 1874 года.

Приношу вамъ усерднѣйшую благодарность за лестный отзывъ о моихъ трудахъ въ предисловіи къ Мейерберу. Я трудился только по желанію трудиться, по стремленію къ труду, не имѣя въ виду какой-либо корыстной, себялюбивой цѣли...

Мнѣ думается, что лиходѣи страстнаго бульвара, безсильны въ своей злости на людей, начинаютъ вымещать на книгахъ, не взыскивая съ типографщиковъ за непростительныя ошибки въ непріятныхъ для сихъ лиходѣевъ изданіяхъ.

Въ предисловіи къ „Мейерберу“ есть важная опечатка на VI стран.: „показываетъ“ вмѣсто“ „покрываетъ“. Въ текстѣ: стран. 9, строка 5 сдѣлавшись“ вм. „сдѣлавшихъ“; стр. 50, строк. 12 „съ присоединеніемъ“ вм. „съ опущеніемъ“; стр. 59 „рѣки“ вм. „рѣдки“; стр. 64 „стѣнамъ“ вм. „ступенямъ“; на 54 стр., строк. 3 вм. „ручьевъ, по случаю нѣсколькихъ островковъ, которые“ напечатано: „ручьевъ, которые“—отъ чего и вышла безсмыслица. Я веду списочекъ важнѣйшихъ только опечатокъ и вы позволите мнѣ послѣ прислать его.

Желалъ бы знать о вашемъ здоровьи.

64.

М. Г. О. М. 18 марта 1873 года.

Изъ книгъ, полученныхъ мною отъ васъ, представляю теперь „Sammlung“ Миллера, принадлежащую университету; посылаю и переводъ Варкоча, съ предисловіемъ, и Sammlung Вихмана: послѣднюю, мою собственную, потрудитесь возвратить по минованіи въ ней надобности: изъ нея у меня почти готовъ Шель и начатъ Главиничъ. Если я писалъ вамъ, что Варкочъ любопытнѣе Уккеродта, то имѣлъ въ виду правописаніе и порою странную конструкцію предложеній перваго. Но Уккеродтъ хоть и не представляетъ много новаго, за то есть у него глава: „мнѣнія Бояръ о войнахъ и преобразованіяхъ Петра“—по моему, прелесть!

Не читали ли въ Современныхъ Извѣстіяхъ о нашемъ скандалѣ? Наши дѣвицы, кажется, съ тоскою повторяли бы, еслибъ знали, изъ Овидія:

„Humana malignas cura dedit leges“.

Онѣ отказываются отъ этихъ законовъ. Кажется, это сплетня, изобрѣтенная злорадствомъ... При свиданіи буду имѣть честь разска-

зать вамъ. Я счелъ не излишнимъ приложить рисунокъ тарча и на ручей.

Не припишите тщеславной придирчивости съ моей стороны, что я въ примѣчаніяхъ вооружился противъ недосмотровъ Аделунга или г. Клеванова: я боялся, чтобъ не пало на меня обвиненіе въ невѣжествѣ, еслибы кто захотѣлъ сличить мой переводъ съ Аделунгомъ: вѣдь это авторитетъ.

65.

М. Г. О. М. 20 октября 1873 года.

Только теперь представляю вамъ Фоккеродта: лѣтомъ задержали меня собственныя дѣлишки, а осенью оженившійся мой писецъ возымѣлъ нужду въ большихъ средствахъ для жизни, набралъ себѣ много дѣлъ и удѣлялъ мнѣ только небольшую часть времени.

И въ лингвистическомъ отношеніи Фоккеродтъ любопытенъ: я не встрѣчалъ еще нигдѣ такого, напримѣръ, выраженія: In den Selbigen Läufen вмѣсто—Zeiten. Такъ же точно о Талицкомъ, называвшемъ Петра антихристомъ, сказано, что его „schmauchten zu Tode. Не зная судьбы Талицкаго и не полагая чтобы его сожгли, перевелъ „сжили съ бѣла свѣта". Еслибы сказано было „schmäuchten" — тогда бы другое дѣло....

Плейеръ, съ его „неуклюжимъ" образомъ выраженія, привезется мною лично.

Желаю знать о вашемъ здоровьи.

66.

М. Г. О. М. 1874 года, февраля 15-го.

Не находя никакой возможности, по случаю своихъ немощей, явиться лично на назначенное вами число въ засѣданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, честь имѣю передать вамъ мой голосъ при избраніи Президента Общества.

Не могу не заявить также при этомъ случаѣ, что для меня, какъ Дѣйствительнаго члена Общества, чрезвычайно лестно соединить свой голосъ съ голосомъ почтеннаго Секретаря его, такъ давно и съ такой неутомимою энергіей пекущагося о преуспѣваніи Общества на пользу Отечественной Исторіи.

67.

М. Г. О. М. 19 февраля 1874 года.

Кромѣ моей обыкновенной немощи—геморроя, меня удерживали слѣдующія обстоятельства: врожденная мнѣ скромность, никогда не

дозволявшая мнѣ выдвигаться впередъ въ собраніяхъ, рѣшающихъ жизненные вопросы и недостатокъ чернаго фрака, который не поспѣлъ: но, получивъ ваше письмо, собираюсь и завтра ѣду; по пріѣздѣ тотчасъ же буду имѣть удовольствіе посѣтить васъ.

P. S. Правду сказать, я и радъ случаю поѣхать въ Москву, исцѣлявшую меня не одинъ разъ; а на расходы—благодареніе Богу, меня станетъ: одиночество имѣетъ и свои выгоды.

68.

М. Г. О. М. 8 генваря 1875 года.

Съ искреннимъ желаніемъ совершеннаго здоровья поздравляю васъ съ Новымъ годомъ и благодарю усерднѣйше за присылку 2-й книги „Чтеній".

Не имѣя около трехъ мѣсяцевъ никакихъ извѣстій о васъ и о присланной теперь книгѣ, я, при моемъ мнительномъ характерѣ и при моей затворнической жизни, подозрѣвалъ какія нибудь невзгоды для васъ, посланныя или судьбою, или недоброжелательными людьми..., и собирался было поѣхать 4-го декабря въ Москву, но обыкновенная моя болѣзнь меня остановила.

Прилагаю, съ вашего позволенія, списокъ опечатокъ; въ одной изъ нихъ виноватъ я самъ: на 80 стран. вмѣсто „озера" написалъ „моря"—по недосмотру. Въ настоящемъ переводѣ не столько переиначенныхъ, сколько пропущенныхъ словъ, не по моей однакожъ винѣ....

Скоро надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ, намѣреваясь быть въ Москвѣ для освѣженія, привезу съ собою и „Штраленберга".

69.

М. Г. О. М. 20 марта 1875 года.

По непростительной своей опрометчивости, я увезъ отъ васъ, вмѣсто Плейера, едва ли не всѣ листочки опечатокъ къ нему и Фоккеродту; пересылая ихъ теперь опять къ вамъ, покорнѣйше прошу сохранить ихъ на случай требованія Соловьева, а въ 60-тъ экземпляровъ, взятыхъ мною, такіе-же листочки, какъ слѣдуетъ, вклеены.

За опрометчивость я наказанъ уже лишнею платою за пересылку этихъ листочковъ. Не успѣлъ ихъ доставить обратно въ Москвѣ, въ томъ мнѣніи, что это Плейеръ.

N „Голоса", съ извѣстною статьею, не нашелъ ни въ лавочкѣ у Иверской, ни въ другихъ мѣстахъ; недѣли три тому назадъ розничная продажа этой газеты *запрещена*. Указателя и опечатки при семъ

прилагаю. У меня въ черновой тетради есть мѣстечко „Меловицы“, въ печати его нѣтъ; смыслъ отъ недостатка его не теряется; но любопытно было бы знать, не пропустилъ-ли мой, не такъ ужъ внимательный, писецъ. Я помѣстилъ это названіе въ числѣ опечатокъ, и отъ васъ зависитъ, существовать-ли ему тутъ, или нѣтъ. Опечатокъ въ текстѣ почти совсѣмъ нѣтъ, есть только въ предисловіи.

Къ Святой, или въ продолженіе, оной буду имѣть честь представить вамъ свои новые бѣдные труды.

70.

М. Г. О. М. 6-го маія 1875 года.

Честь имѣю представить вамъ давно обѣщанные переводы „Главинича“ и „Шеля“: послѣднимъ занимался я съ особенною любовью: его донесеніе, вмѣстѣ съ „извѣстіемъ“, показалось мнѣ прекраснымъ, изложеннымъ просто, прологомъ къ драмѣ Борисова царствованія. Вѣроятно, вамъ извѣстно, что значеніе многихъ словъ въ Австріи совсѣмъ другое, чѣмъ въ остальной Германіи: напр.: *Schaffen* нигдѣ не значитъ—приказать, кромѣ Австріи. Есть много и другихъ подобныхъ словъ у Шеля.

Къ обоимъ я написалъ предисловія, на столько подробныя, сколько дозволила мнѣ возможность такого дѣла въ пресловутомъ Владимирѣ.

Около половины маія надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ, проѣздомъ изъ Ярославля.

P. S. Желаю вамъ совершеннаго здоровья, забота о выборѣ Президента теперь васъ покинула.